

Господин адвокат

Фридрих Незнанский
Главный свидетель

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Главный свидетель / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Адвокат Гордеев по просьбе юной дамы принимает на себя защиту молодого человека, обвиненного в убийстве. Но получается так, что по одной версии этот человек — безжалостный убийца, а по другой — его ловко подставили. Для того чтобы доказать невиновность, надо найти подлинного преступника. Но окружающие юную даму предпринимают все усилия, чтобы свести на нет действия адвоката. И это продолжается до тех пор, пока на помощь ему не приходит агентство «Глория» со своими частными сыщиками, Московский уголовный розыск и Генеральная прокуратура.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	18
Глава третья	30
Глава четвертая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Фридрих Незнанский

Главный свидетель

Глава первая

ПЕРВАННЫЙ КАЙФ

1

Адвокат Юрий Петрович Гордеев старательно ловил кайф.

Он потягивал из фарфоровой чашечки кофе, который специально для него сварила в стареньком уже, но вполне пригодном кофейном автомате секретарша юридической консультации № 10 Наталья Семеновна Хомячок. Такая вот чудная фамилия у милейшей женщины — правой руки великого шефа Генриха Афанасьевича Розанова.

А причина, по которой мог нынче смаковать персональный кофе из чашки из личного служебного сервиза самого «сэра Генри», заключалась в том, что Юрий Петрович завершил очередное, хотя, надо заметить, тягостное, зато весьма денежное дело, а теперь подумывал, что было бы совсем неплохо устроить себе небольшой, но вшистка пшеемный, по польскому выражению, отдых.

Клиенткой была «высокородная пани», которая истово судилась с родней своего покойного супруга. Судиться было из-за чего, правда, бывшая пани уверяла, что делает это исключительно из принципа, а не из-за больших денег. Адвокат помог установить справедливость и был щедро награжден стремительно стареющей дамой благородных кровей, возможно рассчитывавшей на большее взаимопонимание со стороны Юрия Петровича. Но как бы там ни было, адвокату удалось избежать ненужных последствий, ограничив свои интересы исключительно высоким заслуженным гонораром.

И теперь он находился в раздумье.

На улице зима, ветер сшибает с ног, и служащие господ юристы предпочитают просиживать в конторе в ожидании редкой клиентуры и перебиваясь консультациями, приносящими больше чести, нежели дохода. Ну, может, не столько даже и чести, сколько элементарного самоуспокоения: ведь никуда не денешься от обязанности проводить эти постоянные, практически бесплатные консультации населения. Когда ж еще ими и заниматься, как не в такую погоду?!

А вот Юрий Петрович за противным, сырым московским морозом с отвратительным ветром, несущим колючую поземку непременно тебе в лицо, безотносительно, в каком бы направлении ты ни двигался, видел глубокое темно-синее небо без единого облачка, обжигающее солнце и искрящийся снег вокруг, меняющий свою фантастическую цветовую гамму от вершины горы к долине. Другими словами, он вспоминал знаменитый в прежние времена Домбай, куда пару раз был занесен судьбой еще в студенческие годы. Недавно услышал в телепередаче, что позабытый всеми Домбай снова ждет гостей. И такая вдруг нахлынула ностальгия!

Он тогда же подумал, что было бы чертовски спортивно — ну примерно как у того лорда, что по совету егеря решил «взять» любовника своей распутной жены «на взлете», — пригласить Галку, мотануть с нею в Северную Осетию, где войной, слава богу, кажется, уже и не пахнет, и кинуться в ее объятия на высоте... сколько там?.. знал ведь когда-то... тысячи шестисот с чем-то метров! А что? Еще как спортивно! Вот только выяснить, где по нынешним временам нужно доставать путевки в этот лыжный рай, а заодно проверить, не врут ли журналоги, и вообще узнать, чем там нынче расплачиваются — деревянными или уже баксами? Или плю-

нуть на все да мотнуть прямо во Владикавказ, а там, на месте, и принять решение? Нет, тут все-таки стоило подумать... Опять же и Галку придется высвистывать из Сибири-матушки. А может ли она бросить все ради его каприза? Вон сколько условий возникает попутно... Или эту чертову Светку взять с собой? Она девка безотказная, а приключения как раз по ней. И скулить не будет в случае чего. Но — стерва. Правда, по настроению. Галка, конечно, поярче, слов нет...

И тут его сладостные прикидки, сопровождаемые блуждающей по лицу улыбкой, самым наглым образом оборвал вошедший Вадька Райский.

— Юре Петровичу! — сделал тот изысканный жест и шаркнул ногой.

— Ба, Вадик Андреич! — не вставая со стула, попытался изобразить нечто похожее и Гордеев, показав на стул. — Чем обязан?

— Там, — Вадим кивнул на дверь, — к тебе?

— Ой, блин! — спохватился Гордеев. — Совсем забыл! Задумался, понимаешь, размечтался.

— Появился подходящий повод?

— Ага. Вот брошу вас всех, лягу с подружкой в купе и укачу к едреной матери на юг, в горы, к солнцу и сложным наслаждениям. А тут ты! Со своими клиентами. Чего надо?

— Да ничего, — засмеялся Райский. — Сижу бездельничая, чую, кофием пахнет, да не растворимым, а натюрель! Эва, да у тебя еще и чашка шефа? Откуда такие средства?

— Всего лишь милый презент, зануда ты жадюжная! С меня — букетик цветов приятной женщине, и вот я уже наверху блаженства.

— А ты, часом, не того? — недоверчиво протянул Вадим. — С чего это тебя вдруг на «хомячка-то» потянуло? Извращенец, — добавил ехидно.

Гордеев пожал плечами и ухмыльнулся.

— И он еще наверху блаженства! Или как тебя понимать?

— Или как, Вадик. Все, кончаем треп. Приму клиентку, знаю, что ей надо, и, возможно, загляну к тебе. Есть возражения?

— А там, — Вадим кивнул на дверь, — что-нибудь из ряда вон?

Знал причину настойчивого интереса коллеги Юрий Петрович. В последнее время за Гордеевым закрепилась не слава еще, нет, но, можно сказать, репутация достаточно преуспевающего адвоката, которому удаются так называемые «персональные дела». После почти полтора десятков выигранных процессов к Юрию Петровичу стали приходить клиенты по рекомендациям. Ну да, кому-то помог, тот немедля передал толкового адвоката приятелю — и покатилась известность, принося соответственно и персональные гонорары.

Является однажды роскошная мадам, вся в соку и при больших талантах. Не говоря уже об откровенных возможностях. И объявляет:

— Мне настойчиво советовала обратиться именно к вам лучшая подруга, мужа которой вы так успешно защитили. Его дело пересмотрели, и теперь уже он скоро вернется в лоно любящей его семьи. Мой дорогой Юрий Петрович! Она была в таком восторге от вас, что просто нету слов! У меня аналогичная ситуация... — Далее был извлечен из сумочки носовой платочек, коим промокнулись несуществующие слезки, а дама, кокетливо изогнув впечатляющую талию и нечаянно выставив роскошную коленку, продолжила жалобу: — Беда в том, что мой муж... — И так далее.

Конечно, сел супруг за дело, это с первых же слов ясно. Но при большом желании можно поискать, за что зацепиться, и попробовать сократить срок, который ему вменен соответствующей статьей УК. Оказалось же, что дама просит вообще немедленно освободить его из заключения! Это нереально, а более-менее реально здесь вот что...

И Гордеев терпеливо объясняет клиентке, лучшей подруге его такой же недавней клиентки, в чем может заключаться его помощь. Если это устроит ее.

Бывает, что и устраивает. Хотя гонорар может в таком случае резко сократиться. Честность ведь обоюдоострая вещь.

Но в том случае, как ни уговаривала Юрия дама, он сумел убедить ее не швырять зря деньги — тухлое дело-то, ну можно, конечно, время потянуть, то, другое, но в конечном счете муж ее выйдет на волю раньше, чем что-то сдвинется в российском судопроизводстве, — это при всей-то его непредсказуемости и необъективности. А получил мужик все-таки по минимуму, зачем же настаивать на пересмотре дела? Не вышло бы хуже.

Словом, убедил, за что был соответствующим образом награжден. Позже.

А некоторые коллеги Гордеева, да хоть и тот же Вадим Райский, человек несомненно способный, пробивной, обладающий необходимым опытом и связями, способны пойти в аналогичных ситуациях на определенный риск.

Да вот, к примеру, еще случай. Опять же по чьей-то, теперь и не упомнишь, рекомендации обратилась к Гордееву жена проректора одной из московских академий. Мужик сел за взятки. Крупные. Все было доказано, ибо нашлось достаточно свидетелей. И загудел голубчик по статье двести четвертой на всю пятерку. Так вот, Юрий Петрович, для встречи с которым та супруга прихватила с собой в сумочке внушительный пакет и уже готова была его передать, изъяви на то Гордеев свое согласие, подумав и сделав многозначительное выражение, с некоторой даже печалью вынужден был отказаться от столь лестного предложения дамы. Он сослался на обилие дел, среди которых все срочные, и по исключительно этой причине он не сможет уделить ей и ее делу полного своего внимания. А отвлекаясь на другие дела, он работать не может.

И тут, что называется, чертиком из коробочки явился Вадик Райский. Когда требуется, он умеет напускать на себя такой важный вид, что даже сам ас «сэр Генри» и тот лишь разводит руками. Выслушал Вадим расстроенную отказом Гордеева женщину, тайком от нее покрутил пальцем у виска, имея в виду, разумеется, Юрия Петровича, и немедленно изъявил согласие взвалить на свои плечи ее дело в порядке надзора.

Юрий позже спросил Вадима, на что он, собственно, надеется, именно взваливая на себя сей неподъемный груз? Райский смеялся. Оказалось, он и не собирался всерьез вызволять махрового взяточника из колонии, где тот уже пребывал. А по делу почему же не поработать? Он уже слышал об этом процессе, даже с судьей знаком, которая выносила приговор, — довольно приятная в общении баба. Ну вот и напишет он жалобу в порядке надзора, посуетится, потянет, устроит небольшой спектакль. Но потом половину гонорара «честно возвратит». Рискованно? А что поделаешь, если срочно нужны деньги? Сколько она там предлагала? Двадцать тысяч баксов? Отлично. Десять можно будет через месячишко-другой вернуть. Как говаривал в свое время великий клоун Никулин? Не судьба! Это когда два поезда мчались по одной ветке навстречу друг другу и не столкнулись. А проректор все равно уже половину срока отсидел, чего ему осталось-то? Пустяки, нет базара...

И почему это разгорелись сейчас глазки господина адвоката Райского? Неужто хороший гонорар чует? Этого качества у него, кстати, не отнимешь — за версту большие деньги унюхать может. Способность у его организма, понимаешь, такая оригинальная.

— Ладно, — хмыкнул Вадим, не дождавшись ответа. — Не хочешь говорить — и не надо. Но учти, что с тобой в паре я поработал бы с удовольствием. Как бывалоча, а? Давай заходи, жду...

Он открыл дверь и, сделав максимально приветливое лицо, заявил:

— Прошу вас, уважаемая, заходите, Юрий Петрович освободился и весь к вашим услугам. Извините, что пришлось подождать, — и, обернувшись к Гордееву, прошипел, сделав зверские глаза: — Чашку убери!

Это верно, незачем знать клиентке, что пока она с томлением в душе дожидалась в приемной встречи с адвокатом, тот — холодная и подлая душа! — попивал себе, видите ли, кофеек! Молодец Вадик.

Юрий Петрович поднялся, сунув чашку с блюдечком на полку с папками и справочниками, и когда клиентка вошла, встретил ее у двери — с учтивым выражением на лице.

— Прошу меня извинить, что пришлось немного подождать... Я заканчивал необходимые дела, чтобы уже в дальнейшем не отвлекаться при беседе с вами. Садитесь, с кем имею честь?

Подумал проходя: а что, вполне ничего! И фигурка, и цвет лица, и... жаль, что в брюках, но, кажется, и ножки очень даже неплохие. При такой фигурке они должны быть стройненькие. Сколько же ей лет? Примерно двадцать пять. И какое горе привело? То, что горе, было заметно — личико осунувшееся, хотя и ухоженное.

Усадив посетительницу у стола, Гордеев вернулся на свое место.

— Внимательно слушаю вас! — Этот несколько манерный тон он усвоил все от того же Райского, чья обходительность, когда требовалось, была выше всяческих похвал.

2

— Я хочу, чтобы вы помогли одному человеку... — решительно начала женщина и запнулась, будто это было все, что она намеревалась сказать.

— Начнем по порядку, — мягко заметил Юрий Петрович. — Кто вы и почему обратились именно ко мне? Если это не страшный секрет.

Он заговорил с ней словно с маленькой девочкой — на некоторых женщин такой прием действует покоряюще, знал уже.

— О вас я узнала от знакомой. Сказала папе. Он... ну как вам сказать? Какое-то время назад работал в Московской мэрии, заведовал всеми строительными делами — главным образом, инвестированием. Программами, вы понимаете? — И, не ожидая ответа, продолжила: — Он теперь работает в крупнейшей архитектурной фирме, и узнать про названного адвоката трудностей ему не составило. Вот я и пришла к вам. Помогите.

— Так, кое-что уже понял. Как вас зовут?

— Меня зовут Лидия Валентиновна Пospelовская.

— По мужу? — высказал догадку Гордеев.

— Нет, я не замужем...

— Ах, значит, это ваш отец? Известная фамилия, я, собственно, поэтому и спросил. И что же?

— История, которую я решила вам рассказать, долгая, хотя... как посмотреть. Я, конечно, могла бы изложить вам только существо вопроса, каркас, так сказать, строения...

— А вы сами, простите, Лидия... можно пока без отчества?

— Пожалуйста, я не обижусь.

— Отлично, и вы можете спокойно называть меня Юрием. Юрой, если пожелаете. Так вот, Лида, сами-то вы имеете хоть какое-нибудь отношение к той профессии, в которой уже прозвучало имя вашего отца?

— Я закончила Архитектурный институт и сейчас работаю на той же фирме, где и папа.

— Извините, попутно, а почему он ушел из мэрии? Это не-е... семейная тайна?

— Вы смотрите в самый корень, — несколько натужно, но все же улыбнулась Лидия, и лицо ее стало просто очень симпатичным. Не ярко красивым или эффектным, как, скажем, у той дамы, которая только что вспомнилась Гордееву и которой пришлось отказать вовсе не по причине того, что Юрий Петрович сам оказался совестливым человеком, нет, он просто не пожелал дурить бабе голову.

Валерия ее звали. Лерочка! А какие ножки — мама моя родная! Она позже, когда случайно где-то встретились, так обрадовалась Гордееву! Оказывается, эта красивая бестолковка не послушалась его совета и все-таки обратилась... в другую юридическую консультацию. Где ее самым бессовестным образом надули. И деньги взяли, и наобещали, и долго морочили голову, а потом часть гонорара вернули, заявив, что ничего сделать не смогли, однако потраченное на нее время ей пришлось таким образом оплатить.

Лерочка была так опечалена, так огорчена тем, что не вняла совету честного адвоката Гордеева! А он стал утешать ее. Два дня утешал — практически без перерыва, благо были выходные. Еле потом ноги домой унес.

Но — что самое приятное — остались искренними друзьями. Она и теперь позванивает — безо всяких грешных целей, иногда и он — поздравляя с очередными праздниками и желая скорого возвращения ее мужу. Тому, кажется, совсем уже мало осталось. Вот радости-то будет!

А что, вдруг метнулась мыслишка, может, ее, Лерку, и пригласить на Домбай? Нет, вряд ли, она не для спортивных забав, ей больше подходит домашний уют, а неистовую страсть они уже однажды прошли...

— Я слушаю, слушаю вас, — поощрил Гордеев, делая себе замечание: не отвлекаться на глупости!

— Я к тому, что история, о которой я буду вам рассказывать, произошла как бы в семейном кругу. Короче, в меня были влюблены два молодых человека. Это было... два года назад. Один — Гриша, сын папиного друга, а второй — Андрей, его двоюродный брат. А потом произошло преступление, умерла одна женщина, и за это осудили Андрея. Осудили и дали пятнадцать лет. Но я точно знаю, что он ни в чем не виноват.

— Простите, перебыю. Вы сказали: «потом». Когда — потом? И после чего? Раньше-то что случилось?

— Понимаете, то, что было раньше, я тоже узнала потом. Частично от папы. Кое до чего собственным умишком дошла. И когда наконец поняла, даже испугалась! Как же так? Андрей-то за что страдает? Он при чем здесь?!

— Но ведь наверняка было и следствие, и суд разбирался в деле, не так? Серьезные люди все взвесили и вынесли свой приговор. Это же не делается с бухты-барахты! Во всем есть логика. Не всегда приятная, скажем, для нас с вами, но от этого она не становится бредом или чьей-то преступной фантазией, верно?

— То-то и оно, что все не так. Кому-то надо было, чтобы сел в тюрьму именно Андрюша. И он сел. Я думаю... нет, я уверена, что он взял на себя вину совсем другого человека. Но вот имени этого другого я вам пока не могу назвать. Потому что если назову, то я, значит, обвиню его в убийстве, а я не вполне уверена. В общем, Юрий Петрович, то есть Юра, я прошу вас взять на себя защиту Андрея, я не знаю, как это у вас делается по закону... но вы мне, пожалуйста, объясните и скажите, сколько мне надо вам заплатить денег. Только вы не думайте, что у меня ничего нет и я хочу вас использовать втемную, так, я слышала, говорят. У меня есть свои средства, и папа поможет, он обещал. Андрей не должен сидеть в тюрьме до самой старости.

— Вы же сказали — он в колонии?

— Это для меня все равно. Он уже целых два года сидит, а я только недавно поняла, какая была дура.

— Ну почему? — обворожительно улыбнулся Юрий Петрович. — Очень может оказаться, что вовсе и не дура! Жизнь, Лидочка, штука странная. Если бы мы все знали наперед, ну что бы это было?

— Так вы возьметесь?

— Из вашего рассказа я, к сожалению, узнал так мало, что, честное слово, пока не знаю. Скажите, а ваш отец в курсе?

— Да, конечно. Ведь убийство в немалой степени коснулось и его!

— Вон как? Может быть, мне стоит предварительно переговорить с ним? Чтобы понять существо дела. И вообще, у вас какие-нибудь документы, материалы по этому делу имеются?

— Нет, ничего, кроме того, что мне известно.

— Но вам хоть что-то, помимо вашей собственной уверенности в невиновности Андрея, известно? — Юрий уже начал помаленьку раздражаться, но сдерживал себя. В конце концов, материалы приговора всегда можно прочитать в архиве суда, где проходило слушание. Где, кстати?

— В Московском городском, — ответила Лида на его вопрос. — А с отцом встречу я вам постараюсь обеспечить. Когда вы могли бы к нам приехать? Но встречаться с бывшей его женой я бы вам не советовала.

— Стоп! Вы меня вконец запутали, дорогая моя. Так нельзя, либо все по порядку вы мне рассказываете, либо мы прекращаем разгадывать ваш кроссворд. Я не любитель подобных игр. Давайте все сначала.

— Я думаю, лучше начать с папой, — серьезно после кратких раздумий предложила Лида. — А потом уже и я скажу, что знаю.

— Ну вот пусть ваш папа и приедет ко мне. Работа адвоката сродни тому, что делает врач, я стараюсь без острой нужды не посещать пациентов. В смысле — клиентов. Милости прошу сюда, в наш офис. Назначьте время. Сегодня, завтра — когда угодно. А я постараюсь освободить это время для вас. Чтоб нам не помешали.

Сказано было достаточно сухо и твердо. Лидия вопросительно уставилась на Гордеева, хмыкнула, покачала головой и спросила:

— А сколько денег вы с меня возьмете?

— Этот вопрос решится после встречи с вашим отцом. Но для вас... Полагаю, что это может оказаться достаточно дорого. И учтите, не моя прихоть или желание, пардон, раздеть вас.

Краска почему-то бросилась ей в лицо, она смущенно кашлянула и опустила голову, будто он сказал скабрзность. Ничуть не бывало. Юрий же оценил ее скромность, однако продолжал не менее твердо:

— Из моего гонорара вы должны будете внести в кассу нашей юридической консультации определенную сумму, я скажу какую. Затем мы с вами заключим соглашение на защиту, оформим ордер на ведение дел в Мосгорсуде. Я буду вынужден, и, возможно, не один раз, съездить в колонию, где содержится ваш Андрей... Где, между прочим?

— Во-первых, он совсем не мой, а во-вторых, это в Вологодской области. Где-то в районе Потьмы. Далеко?

— Неблизко. Не исключаю, что, после того как я пойму суть вашего дела, мне еще придется отказаться от него. Я говорю вам абсолютно честно, что не берусь за дела заведомо провальные. Он ведь осужден за убийство, так? А гонорары просто так тоже не принимаю.

— Знаете, Юра, — вдруг сказала замолчавшая было Лидия, — я очень довольна нашим разговором. Я очень боялась, что вы, не разобравшись, с ходу назначите какую-нибудь запретельную цену и вообще поведете себя иначе.

— Почему? — настала очередь удивляться Гордееву.

— Ну... адвокаты... Разные бывают. Вот и папа советовал не торопиться.

— Но вы... тем не менее... да? Так кто же все-таки вам посоветовал меня?

— Я сказала: моя хорошая знакомая. Она в нашей мастерской работает. Ее зовут Валерия Давыдовна. Может быть, вы ее даже вспомните. Она-то вас точно помнит! Между своими мы ее Лерой зовем, хотя она много старше меня. Ей около сорока.

— Лера?! — изумился Гордеев. — Фантастика!

— Почему?!

— Увидев вас, я вдруг по совершенно непонятной причине вспомнил одну мою знакомую. Тоже Лера, кстати. Высокая такая, натуральная блондинка... С черными, как ночь, глазами, а? Замечательная была женщина.

— А ведь вы большой проказник, Юрий Петрович! — неожиданно с хитрой усмешкой заявила Лида. — Лера мне, между прочим, рассказывала кое-что о ваших отношениях. Однажды и по большому секрету. И еще что вы ей чрезвычайно понравились. Ага, и не только в качестве адвоката. Понимаете?

— Да бросьте... — Гордеев почувствовал, как кровь стала стремительно приливать к его щекам. Он даже поднялся и подошел к полке, отвернувшись от Лидии.

— Ой, ну краснеете, словно вы девица! Она же мне и сказала, что вы убеждали ее отказаться от своей затеи, а она не послушалась и крепко погорела с финансами. Собственно, эта деталь во многом и подсказала мне решение. А Игорь Моисеевич, муж Лерин, он уже вышел. Там у них была какая-то амнистия, что ли, и его за хорошее поведение отпустили. Так что не переживайте. В конечном счете ведь правым оказались именно вы. Но это совсем не значит, что я...

— Перестаньте, Лида! — нахмурился Гордеев. — И не берите себе в голову лишнего. Вы еще девочка, и не вам...

— А вот тут вы как раз и не правы. Моему сыну уже два года. И ращу я его сама.

— Уж не Андрея ли сын?

— Нет, к сожалению. Его двоюродного брата.

— Минуту, — остановил ее осененный новой мыслью Гордеев. — Вы говорите, что сын не его, а брата? А сидит, значит, он? А где же брат? Я имею в виду отца вашего ребенка.

— А черт его знает, где носит этого мерзавца! — с ненавистью ответила вдруг Лида. Даже слезы блеснули в глазах. — Я знать не желаю. Нет у него сына! И никогда не будет! Мой ребенок! Наконец-то и папа со мной согласился.

— Вон оно что, — вздохнул Юрий Петрович. — Ну и запутались же вы, дорогая моя...

— А я о чем? — жалобно произнесла она. — Так согласны?

— Давайте для начала родителя.

— Но платить все равно буду я!

— Слушайте, — поморщился он, — договаривайтесь с отцом сами. Лично мне все равно, кто из вас понесет деньги в кассу, а мне вручит положенный мне «микст».

— А что это такое?

— Наш профессиональный адвокатский термин. Исключительно для посвященных. Но вам, так и быть, объясню. «Микст» — значит, максимальное использование клиента сверх таксы. В некотором смысле — грабеж среди бела дня. Или на ночной дороге, как вам угодно. Непонятно? Тогда нате популярнее. По таксе ваше дело может стоить ну, к примеру, двадцать тысяч. В рублях. Но я назначаю сумму в долларах. Хотите — платите, не хотите — не надо. Зато и я не буду тоже стеснять себя в необходимых действиях, то есть ни на шаг не отступать от закона. Скажем, адвокат не имеет права вести самостоятельное расследование. А ведь мне наверняка придется. И раз самому нельзя, значит, позову знакомых мне частных сыщиков. Если, условно говоря, кому-то потребовалось посадить именно Андрея, а не подлинного виновника, то мне нужно будет найти этого «кого-то». А следователь прокуратуры и оперативники уже выложились по этому делу и возвращаться к новому расследованию не захотят. И заказчика, скорее всего, не назовут. Да их и не заставишь. А мне надо! Причем позарез. Но сам же я не могу туда нос совать, а? Чего будем с вами делать? Получается, я работаю на грани фола. Рискую. Зато и планку гонорара устанавливаю сам. В пределах разумного. И без хамства. Ясно теперь?

— Ну сразу бы так и сказали. А то...

— Что — а то? — чуть не выругался уже Гордеев.

— Да ничего, — как бы огрызнулась Лидия. — Вы в самом деле меня за девчонку держите? Или я не на земле живу?

— Я недостаточно знаком с вами, Лидия Валентиновна, чтобы держать вас вообще за кого-нибудь.

— Ишь вы какой! — улыбнулась она, словно поощряя его к чему-то. — Да-а, она была права... Впрочем, если так случится, что мы познакомимся ближе, обещайте мне, что не станете злоупотреблять...

— Интересно, чем это? — несколько развязно спросил Гордеев и ухмыльнулся от достаточно прозрачного намека.

— Доверием моим к вам, Юрий Петрович. Чем же еще?

А ты умница, хотел он сказать, но... подумал и промолчал. Только кивнул. И перевернул страничку календаря на завтра.

— Вот телефон. — Он не глядя подвинул к ней аппарат. — Звоните отцу, договаривайтесь, а я скоро вернусь. Предположительно сумму гонорара вы уже знаете, точную назову после беседы с вашим родителем.

И он вышел к Вадиму. Тот сидел у себя за столом и уныло читал газету.

— Пошли покурим, — предложил Юрий.

— Айда, — неохотно поднялся Вадим. И когда вышли в предбанник к урне, где курили, спросил как-то вяло: — Ну что с дамочкой? Есть смысл?

— Да так... — неопределенно ответил Гордеев, выпуская дым тонкой струйкой. — Надзорное, будь оно неладно.

— А-а... — протянул Вадим. — Взял?

— Плачет... Куда денешься?

— Поздно уж, — вдруг озабочился Райский. — Ты вообще-то долго тут намерен?

— Не знаю еще. Есть предложения?

— Посидеть можно. Погода еще, мать ее... Ты на колесах?

— А как же! Ну думай, коллега. Я готов сопутствовать. И от рюмочки бы не отказался. Потом расскажу смешную историю.

— Заметано. Тогда я не ухожу, жду?

Юрий вернулся в кабинет как раз в тот момент, когда Лида закончила разговор и потянулась, чтобы положить трубку. Мило так изогнулась — стройненькая мамаша, однако и крепенькая. Сбоку хорошо разглядел ее Юрий Петрович.

— Ах это вы? — словно обрадовалась она. — Я договорилась. Папа может подъехать завтра прямо с утра. Вас устроит?

— Вполне. Значит, прошу к девяти.

— Отлично. Ну а я пойду? — Она вопросительно уставилась на него, явно с какой-то невысказанной мыслью.

Не сильно ли ты торопишься, девушка?

— У вас ко мне еще вопросы? — учтиво осведомился Юрий.

— И да, и нет, — неопределенно ответила она. — Вы... на сегодня закончили уже свою работу? Вон и темно на улице...

— В принципе да. — Он кивнул.

— И какие планы на вечер?

— Вы станете смеяться — никаких, — улыбнулся он. — Впрочем, вру. Пока вы тут звонили, я говорил с приятелем. Хотим заскочить куда-нибудь — принять по рюмочке, поболтать. Ну по погоде, как говорится.

— А вы будете очень возражать, если я попробую напроситься в вашу компанию? Или ваш приятель как?

— Лидия Валентиновна, в компании с такой прекрасной дамой, как вы, можно отправиться хоть на край света... Слушайте, можно и я кое о чем спрошу вас?

— А почему нет? — Щечки ее мило вспыхнули.

— Вопрос, предупреждаю, несерьезный и не требует вдумчивого ответа. Как бы вы посмотрели на такое предложение? Бросить все и смотаться куда-нибудь в горы, поближе к солнцу? Ну, например, в Домбайскую долину? Где — слышали? — «лыжи у печки стоят... гаснет закат за горой... месяц кончается март... скоро нам ехать домой...».

— У вас приятный голос... Ах, если б я могла это сделать!.. Но с кем, Юрий Петрович? Кто ж меня возьмет-то с собой?

— А разве я не гожусь в спутники?

— Вы — вполне. Но у меня сынишка. И ему только два года.

— Это серьезно. Правда, там, говорят, и детей на санках катают. Почему бы не отдохнуть недельку-другую. И, вернувшись, с новыми, как говорится, силами... а?

— Если бы я была твердо уверена, что Андрея освободят, я бы и минуты не раздумывала, но я... не уверена. Две недели, конечно, не срок. Однако вы меня правильно поймите.

— Я же сказал: не надо всерьез! Это игра фантазии, не больше. Хотя до вашего прихода я размышлял именно о такой перспективе. Вдруг, понимаете, как обвал! Лавина! Хочу! К черту! А, пустяки!..

— Ну, положим, для вас это совсем не пустяки! А вот... Леру бы взяли? Тем более что муж ее в командировке, где-то в Испании, что ли, не уверена. Но что не в России, это точно.

— Будете смеяться, но я почему-то уже подумал о ней. Нет, пожалуй, Домбай не для нее. Это другая тема. Иная музыка, ночные костры, скользкие лыжи, много вина и коричневые бородатые и лупоглазые мужики... Не знаю, так ли все теперь, но память сохранила лишь эту дурацкую радость.

— А меня, значит, взяли бы? — с вызовом и почти серьезно спросила она.

— Я же сказал. Этого мало?

— Но тут же и предупредили, чтобы не принимала всерьез?

— Каждый волен толковать в свою пользу.

— Надо же, какой хитрый! А после нельзя? Когда Андрея освободят?

— Думаю, почти уверен, тогда моя фантазия просто потеряет всякий смысл... Ладно, оставим пустой треп.

— Жаль.

— Не надо нарываться, Лида, — спокойно сказал Гордеев, и она виновато потупилась. — Пойду спрошу у Вадима. Наверное, мы возьмем вас с собой. А как же сын? Ему не поздно без мамы.

— У него есть нянька. Неужели вы думаете, что могла бы бросить моего сынулю одного?!

— Не думаю. Теперь. — И, напевая «лыжи у печки стоят», он вышел из кабинета.

3

Вечеринка, как говаривал в подобных случаях лучший друг Александр Борисович Турецкий, удалась.

Вадим на удивление вел себя абсолютно пристойно. Даже ни одного не то что сального — двусмысленного анекдота не рассказал, хотя острил без передышки, заставляя Лиду смеяться если и не до упаду, то до икоты. Смеялся и Гордеев, удивляясь, как это накатило на Вадьку. Ну надо же! Неужели хитрый нос этого прохиндея что-то все-таки учуял? Интересно... Он же мог учуять только одно, о чем думал постоянно, — деньги.

Во время застолья ни разу не обмолвились о существовании дела. Лидия вела себя так, будто знакома с Гордеевым уж во всяком случае не один день, чем окончательно сбила Райского с

толку. Тот время от времени кидал на Гордеева осторожные и удивленные взгляды, покачивал головой: мол, ну и ну, ребята, да у вас, похоже, все на мази? А Лидия, вероятно женской своей интуицией улавливая эту его растерянность, продолжала игру, из которой нельзя было сделать никаких трезвых выводов.

Закончив ужин, Гордеев забросил Райского прямо к его подъезду, в Ясенево, а после доставил и Лидию в Староконюшенный переулок, ближе к Пречистенке. Дом, как она сказала, строил во времена оны еще папин учитель, очень известный в недавнем прошлом архитектор, фамилия которого ни о чем не говорила Юрию Петровичу. В сталинские, стало быть, времена. А после основательной реконструкции жилье стало элитным в самом точном понимании этого слова. Тем более что в перестройке и перепланировке интерьеров принимал личное участие Валентин Васильевич Поспеловский. Себе, так сказать, сочинял жилье.

— Я не решаюсь пригласить вас посмотреть, — словно оправдываясь, сказала Лидия, — поскольку уверена, что у вас наверняка всегда бывает возможность посмотреть, как изгаляются эти «новые русские». Вот уж поистине необузданная фантазия! Впрочем, если у вас, Юра, есть желание, то почему бы не зайти на чашечку кофе? Я знаю, что вы его любите, еще в консультации почуяла...

— Если вы хотя бы намекнули там, я с удовольствием угостил бы и вас, — будто извиняясь за собственную оплошность, произнес Гордеев, чувствуя, что получил тонкий укол. — Просто там такая же служба, как и везде, и кофейничать с клиентами как-то не положено, — добавил, словно оправдываясь.

— А я разве виню вас в чем-нибудь? — Она сделала удивленное лицо. — Это к слову. Я и сама предпочитаю хороший кофе. Как, зайдём? И с папой познакомлю... если он уже дома. Не для разговора о деле, а просто так. Чтобы у вас возник внутренний контакт.

— Я, наверное, сделал бы это с удовольствием, — помедлив, ответил Юрий Петрович, — но время уже позднее. Вы, по-моему, возбуждены несколько, и мой визит может быть понят не совсем правильно. Давайте все же перенесем наш разговор с Валентином Васильевичем на завтра. В девять, да? Вас проводить?

— Ну и зараза же ты, Юрий Петрович! — вот так — на «ты» — вдруг горячо воскликнула Лидия. — Неужели я совсем не вызываю у тебя никаких эмоций?

«Так, девочка все-таки перебрала, — подумал Гордеев. — Тем более пора кончать...»

— Видишь ли, Лида, — мягким голосом начал Гордеев, кладя ей руку на плечо и чуточку прижимая к себе, — я в полтора раза старше тебя... — Ну что ж, на «ты» так на «ты». — И чем вызваны твои эмоции, понимаю. Небось Лерка натрепала черт знает о чем! Или ты сама себе нафантазировала глупостей. У тебя сейчас-то есть кто-нибудь? Ну нормальный мужик?

Она излишне резко затрясла головой — нет!

— А того Андрея любишь?

Она задумалась. Потом взяла с панели пачку сигарет, вытряхнула одну и стала озираться. Юрий вынул из кармана зажигалку, чиркнул и протянул ей огонек. Прикурила, выпустила длинную струйку дыма. Интересно, ведь в той «Саламандре», где провели вечерок, не курила. Наконец сказала:

— Честно? Не знаю. Может быть, да. Но его же нет со мной! И я не знаю, когда его увижу! И увижу ли вообще!

— Погоди, дорогая моя, если ты ни в чем не уверена, какого же, извини, черта морочишь мне голову? Может, нам не стоит и заниматься этим делом? Ты ни в чем не уверена, папаша твой скажет мне завтра наверняка что-то подобное. Но если вам, братцы мои, представляется, что мы втягиваемся в заведомо проигрышное дело, на кой хрен нужно мне ломать себе голову? Подумай еще раз. И вообще, Лидия Валентиновна, валите-ка в постель. Утро вечера мудренее. И не торопитесь ухватиться за первый же попавшийся... Ладно, не буду! Проводить? Или сама?

Она, сердито сопя, завоzilась на сиденье, не без труда выбралась наружу, огляделась. Ни слова не говоря, захлопнула дверцу машины и, пошатываясь, направилась к подъезду. И, только набрав код, обернулась, кокетливо помахала ручкой и ушла.

Гордеев от души выматерился: вот же черт подкинул клиентку!

4

О солнце и бездонном синем небе он вспомнил, подъезжая к своему дому. Вообще-то своим его назвать можно было разве что с большой натяжкой. Квартиру здесь он снимал, надеясь, что вопрос с персональным жильем вот-вот решится. А про Домбай подумал в том смысле, что опять «любовная лодка разбилась о быт». Другими словами, мечтать вовсе не противопоказано, однако жизнь снова внесла коррективы, и никуда ты от них не денешься.

И тут, кстати, мелькнула мыслишка: а почему бы не воспользоваться удачным стечением обстоятельств и не подключить к собственной жилищной проблеме Лидино папашу? Тот же наверняка имеет большие связи в мэрии и среди тех, кто занимается строительством жилья в Москве, а также распределением площади между очередниками. Хорошая, между прочим, мысль. И она заставляет несколько иначе взглянуть на данную ситуацию...

Лидия, конечно, проспится. Это ее вино и машина так раскачали и расслабили. Видать, папенькина дочка. И ко всему, достаточно вздорная...

Из того немногого, что ему стало сегодня известно, он, кажется, понял кое-что насчет взаимоотношений в семье.

У дочери внебрачный ребенок. Папаша в разводе со своей второй женой, которую доченька терпеть не может и, видимо, пользуется взаимностью со стороны мачехи. У той давно своя жизнь. Но жертвой именно этой семейки стала некая третья женщина, которую убили, после чего осудили якобы невиновного человека, брата того, который является отцом ребенка Лидии. Ничего себе «краксорд», как, бывало, говаривал Райкин? Или как изрекает иной раз Александр Борисович Турецкий: «Мудрёно!» Кстати, спросить бы его, ведь точно что-нибудь об этом слышал. Или лучше — Вячеслава Ивановича Грязнова, начальника Московского уголовного розыска, он определенно в курсе. Ведь убийство! Без МУРа следствие вряд ли обошлось.

Размышляя об этом, Гордеев поднялся к себе в квартиру, уже чувствуя, что не откажется от дела, если, конечно, папаша... Хотя он, кажется, сам проверял, кто таков адвокат Гордеев, после чего дал дочери добро. И значит, хошь ты иль не хошь, а мысль в работу включилась помимо твоего желания.

И тут из ниоткуда возникла еще одна идея. Ведь первоначальным толчком ко всему явился рассказ хорошо известной адвокату Гордееву черноглазой натуральной блондинки, посоветовавшей Лидии обратиться за помощью именно к Юрию Петровичу. И она же, как всякая сытая и трепливая баба, получившая в свое время немало удовольствия, общаясь с адвокатом, не преминула поделиться с младшей подругой также и своими эмоциональными воспоминаниями. О чем старательно, но неловко пробовала намекнуть Лидия. И вот клиентка приехала к адвокату, а попутно решила проверить давние впечатления Валерии Давыдовны. Очень хотелось, только хрен удалось!

Но, ведь давая практический совет Лидии, Лерка по понятной причине и сама должна быть в курсе дела, а раз так, то почему бы с нее и не начать более детальное ознакомление с материалами? Идея Гордееву понравилась, и он полез в ящик стола, к своим записным книжкам, где были адреса, телефоны и фамилии всех его предыдущих клиентов.

Точно на «Л»! Лера. Валерия Давыдовна Скальская. Так, а муж — Игорь Моисеевич Скальский, статья сто семьдесят первая, пункт второй «б». Незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением дохода в особо крупном размере. Схлопотал пятерку. По макси-

муму, однако. Почти три года тянулись следствие и суд, в колонии отбыл год с небольшим. Вышел по амнистии. Все правильно, незачем было затевать новое разбирательство. А вот и все в порядке.

— Юрочка! — прямо-таки вся затрепетала-зашептала страстная женщина. — Ты себе не представляешь, как я безумно рада с тобой... снова... это... Слушай! Нет, сперва о деле! Ты хочешь, чтобы я тебе немедленно прямо все-все рассказала про Лидку, да?

— Ну на такое я вряд ли мог бы рассчитывать даже в самом фантастическом сне!

— Не говори! Молчи! Я все поняла! — почти взвизгнула она. Но приглушенно, как если бы кто-то находился неподалеку и мог услышать ее.

— Что ты поняла? — усмехнулся ее неожиданному напору Юрий.

— Послушай, если ты берешься за это, честно говорю, сомнительное дело, я бы тебе, пожалуй, кое о чем и рассказала. Я ведь Лидкину мачеху знаю уже достаточно. Это, Юрочка, та-акая су-ука! Куда нам всем, вместе взятым! Ох ка-акая, скажу тебе! — Она произносила слова вразяжку, придавая им более значительный смысл.

— А что, мне было бы интересно, — сказал Гордеев. — Когда это удобно сделать, а? Послушать тебя.

— Ты звонишь из дому?

— Ну да.

— Так давай я подъеду! Я ж помню твой адрес!

— Откуда? — удивился Юрий. Насколько помнил он, то самое памятное ему свидание с несостоявшейся клиенткой происходило на ее территории.

— Здравсте! Он уже все забыл!

— Ну виноват, прости! А сейчас тебе разве не поздно?

— Да тут такое дело... — Она замялась. — К нам понаехали родственники. А Игорь, как назло, в Испании и вернется не раньше следующего понедельника, представляешь? Его сестрица с молодым мужем приехала оторваться, у нее, понимаешь ли, новая страсть, и она орет как зарезанная. А у меня потом целый день и голова, и все тело болит. Так что, если я на ночь от них сбегу, они только благодарны будут. А твой звонок прямо лекарство для души! Ну позволь, не упрямясь! А уж я бы тебе за это...

Ну что бы она... — этого Юрию Петровичу объяснять не стоило, да и протестовать в подобной ситуации мог бы разве что полный дебил. Либо безнадежный импотент с большим стажем.

— Так мне, что ли, подъехать за тобой?

— Знаешь, милый... И ты после этого задаешь вопросы? Я, между прочим, и сама на колесах, вот так! Но раз ты настаиваешь?..

Вот так всегда. Оказывается, все на свете происходит исключительно по твоей инициативе, и попробуй доказать обратное. Но ведь истины ради следует все же напомнить, что толчком к назревающему безумию послужил именно твой звонок! Так откуда сомнения? Между прочим, и машину прогреть не надо, она и остыть-то не успела еще. А до Рижского вокзала, где на Трифоновской живет Лера, если вдуматься, отсюда два шага. Так почему бы и нет?

— Уговорила, — сказал он решительно. — Ровно через... пятнадцать минут выходи на улицу. С собой ничего не бери, у меня есть. Назови какой-нибудь ориентир — магазин там, киоск или что-нибудь похожее.

— Дом мой помнишь? А напротив трамвайная остановка. Там и найдешь. Жду. У тебя по-прежнему синий «форд»?

— Откуда ты знаешь? Он же у меня недавно! А мы...

— Ты же подвозил меня! Ну наглец! Ты о чем себе думаешь?

— Я думаю о том, — сокрушенно ответил Гордеев, — что был уверен, будто мы с тобой не виделись как минимум лет пять, а оказывается...

— Вот именно! Значит, с глаз долой — из сердца вон? Я те покажу!

Что покажет, это точно! Юрию осталось лишь усмехнуться и выйти на кухню, чтобы проверить, что из запасов имеется в наличии для свидания со страстной дамой, но все же в мягком варианте, ибо завтра напряженный рабочий день. Должен быть. Ведь встреча с Поспеловским уже назначена.

Глава вторая

ПАПА, ЮЛЯ И КОМПАНИЯ

1

Он оказался довольно моложавым мужчиной, этот Пospelовский. Гордеев без особых сомнений дал бы ему лет пятьдесят. С небольшим. А на самом деле он подбирался уже к седьмому десятку.

Юрий не мог поверить, хотя, честно говоря, пословица «седина в бороду, а бес в ребро» не вызвала у него такого уж непримиримого протеста — все бывает. Кроме того, чего не может быть вообще, по понятию, как нынче выражаются. Вот и Лерка говорила, что «старик», так его звали на фирме, вполне способен еще иным молодым дать фору. В некотором отношении.

Валентин Васильевич был высок, сохранял фигуру, говорил четким и выразительным голосом, будто профессор, постоянно читающий лекции студентам. И симпатичным студентам.

В общем, вчера Юрий Петрович нашел возможность расспросить Валерию Давыдовну о Пospelовском и о той печальной истории, причиной которой и стал этот важный государственный чиновник, в чьих руках находились тогда практически все денежные потоки, направленные на жилищное строительство в Москве. Это ж и не представить, какие бешеные средства! Да и рычаги в руках!

Кстати, слово «вчера», пожалуй, не очень подойдет. Вчера — это слишком конкретно. То, после чего положено быть сну. Однако разговор начинался и прерывался неоднократно — практически до самого утра.

Только тренированный организм Юрия Петровича, у которого молодость была овеяна большими спортивными достижениями — тут тебе и бокс, и велосипед, и теннис, — позволял до сих пор выдерживать значительные перегрузки и не выражать при этом их суть на утренней физиономии. Женщинам труднее. Но Лера знала, на что шла, и потому вполне могла также гордиться своей утренней внешностью — мы им всем еще покажем! Просто чудо, а не женщина!

Так вот, узнав предысторию печальной саги семьи Пospelовских, Юрий первым делом подумал: «Ах ты старый козел!» Но сейчас, увидев внимательного и собранного Валентина Васильевича, поговорив с ним и почувствовав, что «старик» действительно испытывает искреннюю боль, изменил свое мнение...

Схема, как представил ее Пospelовский, была такова.

Все началось года три-четыре назад, когда Валентин Васильевич — он был директором Департамента инвестиционных программ строительства Москвы — на одном из обычных светских раутов, где чиновникам его уровня бывать по разным причинам просто приходится, встретил только что освободившуюся от брака с обувным магнатом Борисом Осинцевым, на тот момент уже бывшую, четвертую по счету, супругу Инну Александровну. Это была ну просто потрясающая женщина — молодая, шикарная. На нее оборачивались все без исключения. Оставалось загадкой, почему Борис, сам внешне похожий на мелкого грызуна, поменял эту восхитительную, рослую красавицу на скелетообразную двадцатилетнюю фотомодел, известную в специфических тусовочных кругах Марину Ковалеву, ставшую тут же пятой женой российского олигарха.

Чувства, вспыхнувшие у Пospelовского, нашли взаимность у Инны. Их даже не то чтобы бурный роман, а скорее дружеская, приятельская связь продолжалась что-то около двух лет. Та же Лера была уверена, что «старик» частенько посещал умопомрачительную квартиру на Тверской, которую «мышастый олигарх» оставил в качестве отступного бывшей своей супруге. Почему так думала? А как раз тогда и участились ссоры Пospelовского с женой Юлией Марковной, которая в конечном счете выгнала из дома на Котельнической набережной своего грешного и, по ее же словам, дышащего на ладан муженька. Об этом ей рассказывала позже Лидка, когда они стали работать вместе, на фирме, которую организовал, уйдя из мэрии, Валентин Васильевич.

Сам же Пospelовский говорил об этом этапе своей жизни несколько в ином ключе. Мол, взаимно вспыхнувшие чувства вовсе не сделали их отношения безоглядными или там оскорбительными для общественного мнения. Они действительно искренне и по-хорошему дружили, встречались на приемах, в концертах, на всякого рода светских развлечениях и вели себя при этом абсолютно целомудренно. Другое дело, что судачить о них злые языки принялись буквально с первой же встречи. Но это тоже естественно — чем же еще заниматься-то нынешнему свету? Только сплетнями.

Гораздо хуже стало потом, когда досужая болтовня докатилась до ушей дражайшей супруги. Вот тут уже начались разборки по высшему разряду!

Ну реакцию Леры по поводу теперь уже тоже бывшей супруги Пospelовского Юрий знал. «Та-акая су-ука!» — ни прибавить, ни убавить. Но это сугубо женская реакция. А что Пospelовский?

С Юлией Марковной Фединой, вскоре ставшей Пospelовской, через дефис, Валентин познакомился на расширенном пленуме Союза архитекторов СССР, и было это почти два десятка лет назад. В ту пору еще не было никакой мэрии, называлась эта организация Моссоветом и нынешние департаменты именовались управлениями. Пospelовский занимал пост начальника Управления капстроительства, а Юлия была молодой и, как все были уверены, очень способной выпускницей Московского же архитектурного института. Лидочке тогда исполнилось четыре годика, и она осталась сиротой, поскольку любимая жена Валентина скончалась от саркомы мозга. Скоротечная тяжелейшая болезнь, бездарные попытки спасти и — горькие похороны. На руках малый ребенок, в перспективе — важная и ответственная работа.

В первой половине восьмидесятых, когда генсеки менялись в стране как перчатки, все ждали коренных изменений в жизни, ибо смертельно устали от того самого застоя, который нынче вспоминают едва ли не с ностальгией. На фоне полнейшего разгула «демократии» это сегодня представляется вполне естественным...

Юлия поняла трудное положение Валентина и мягко и тактично постаралась максимально сгладить бытовые неприятности — надо ж было и девочку воспитывать, и мужчине помогать, поскольку времени на тот же быт у него практически не было никогда, да и не любил он эти проблемы. Есть что-то в холодильнике — и слава богу! Но чтобы в том же холодильнике что-то имелось, об этом надо думать. А ему некогда. И неудобно кого-то просить об одолжении. Это при его потрясающих возможностях начальника управления! Да она ни в жизнь бы не поверила, если бы не знала уже характера человека, за которого всерьез собралась замуж.

Первые годы они жили, что называется, душа в душу. И ребенок, подрастающая девочка, похоже, связывала их еще крепче. Так казалось на самом деле, хотя все было гораздо сложнее. А времени, как обычно, не хватало — остановиться, оглядеться и одуматься.

Никогда не напоминала Юлия Валентину обстоятельств их первого знакомства. А сам он просто забыл. Вот вошла в его жизнь новая — молодая, красивая и энергичная — женщина, привела его чувства и мысли в относительный порядок, обеспечила быт — ну что еще требуется?

Позже, много позже то ли вспомнил, то ли подсказал кто, что их встреча, даже если бы он категорически был против, все равно состоялась бы. Так, оказывается, было надо. Предусмотрено.

Но кто же этот предусмотрительный-то? О, этот человек обладает и по сей день огромным влиянием, он настоящий профи в строительном деле и, хотя по возрасту ровесник Пospelовского, мыслит по-прежнему весьма перспективно, а уж действует — как тот бульдозер, иного сравнения и не подберешь. Или же как барин. Но последнее говорили тише, на всякий случай.

Илья Андреевич Носов был в ту пору директором домостроительного комбината в Подмоскowie. А молодая выпускница-архитекторша Юлия Федина — его любовницей. Все очень просто, до примитива.

Однажды Носов познакомился с Пospelовским, назначенным в Управление капитального строительства, и понял, что на этого скакуна можно сделать ставку. Более того, необходимо! Чего бы это ни стоило.

Помогла трагическая история в семье начальника управления. И Носов, как человек умный и целеустремленный, принял важное для себя решение. Что, любовница? Их может быть сколько угодно! И таким образом он раз и навсегда обозначил судьбу Юлии Марковны.

Из нее получилась примерная супруга. Все-таки два десятка лет, прожитых вместе — без скандалов, семейных раздоров, неприятностей, измен и прочего, чего-то же да стоят?

Юлия устроила и свою жизнь. У нее также появилась перспектива: супруга крупного строительного начальника не могла не встретить соответствующего внимания и даже почтения от лиц, причастных к братству архитекторов и строителей. Носов дал ей полную свободу.

Но лишь с одним малым условием: она должна была сообщать ему обо всем, чем занимается, что планирует и о чем думает Валентин Васильевич Пospelовский. По сути, на самом деле не так много — ради достаточно полной и насыщенной жизни.

Шли годы. Когда в начале девяностых произошли известные события и перестал существовать Советский Союз, умные люди быстро сообразили, что пришло наконец их время. Возглавил департамент в мэрии Пospelовский. Юлия Марковна с помощью супруга и, естественно, горячо заинтересованного в ее судьбе Носова с присущей ей энергией основала собственную архитектурную фирму «Московия». А Илья Андреевич Носов стал к тому времени генеральным директором крупнейшего строительного концерна «Феникс». Возникла своеобразная триада: Департамент инвестиционных программ, команда толковых, опытных архитекторов, готовых выполнить любое задание, и, наконец, организация, которая это задание способна с успехом воплотить в жизнь.

Жилье бывает разное — и муниципальное, и элитное. Инвестиции здесь определяются числами с многими нулями. Можно проводить любые конкурсы, устраивать бесконечные мониторинги, но, когда ты абсолютно уверен в своем партнере, когда он к тому же достаточно близкий тебе человек, какие могут быть сомнения?!

Ни у одного из героев данной истории сомнений друг в друге не было. И перспективы были ясные, и домами дружили, и даже дети росли почти по-соседски. Сын Ильи, Гриша, стал крепким, здоровенным парнем. Отслужил в армии, был в спецназе Воздушно-десантных войск. По возвращении домой возглавил у отца систему безопасности на фирме. Родители если не явно поощряли, то были уж во всяком случае не против дружбы детей. Лиде Гришка нравился. За таким, как ей казалось, действительно как за каменной стеной.

Но у Григория был двоюродный брат, сын папашиней сестры, Андрей. И поразительное дело — очень похожий на Гришку, однако полная противоположность по характеру. Если Григорий был по духу бойцом, даже драчуном, решительным, дерзким, то Андрей, сразу после школы поступивший в физтех, как человек серьезный и вдумчивый, скоро увлекся электроникой, компьютером и окончательно отошел от физики, переключившись полностью на компьютерные технологии. Как два противоположных начала — вода и пламень, — братья тянулись

друг к другу и часто появлялись вместе. Одно время было даже как-то странно видеть одного без другого. И оба, как казалось Пospelовскому, были влюблены в Лидию.

Вот, собственно, и вся предыстория разыгравшейся в дальнейшем трагедии... В которой Валентин Васильевич винил в первую очередь самого себя.

Дурацкая эта любовь к Инне, словно затмение какое! Резкое ухудшение отношений с Юлией, полный разрыв и уход из дома. Купил себе небольшую квартирку — одному много ли требуется? Нет, он вовсе не собирался обрывать деловые отношения со своими партнерами. Но может быть, они решили для себя, что он их, говоря современным языком, кидает?

Словом, однажды утром экономка Инны Осинцевой, придя, как обычно, пораньше, чтобы застать хозяйку дома и получить от нее указания, нашла женщину в постели. Это не было для Полины Ивановны неожиданностью: пусть себе поспит, значит, поздно легла. А чем же еще заниматься женщине, у которой есть решительно все, вплоть до нового женишка, который, правда, представлялся пожилой экономке несколько староватым для цветущей Инночки, но... любовь, говорят, зла...

А когда она зашла в спальню через часок, вот тут уже испугалась по-настоящему. Нет, совсем не спала Инна Александровна, а медленно умирала, не в силах даже подать какой-либо знак.

Примчавшаяся «скорая» помочь ничем не смогла. Осинцеву увезли в Склифосовского, и там позже Полина Ивановна узнала, что ее хозяйка умерла. Предположительно — отравление. Кто?! За что, за какие грехи?!

Началось следствие. Неожиданно обнаружились следы преступника. И им оказался — в это просто не мог поверить Пospelовский! — Андрей Репин, двоюродный брат Григория Носова. Сумасшедший дом! Никто не хотел в это верить. Но и на следствии, и на суде Андрей заявил, что отравление Осинцевой действительно дело его рук. Почему? Об этом он говорить отказался. Но по некоторым намекам стало понятно, что здесь разыгрались поистине африканские страсти. Андрей был влюблен в Инну, даже близок с ней, но — ревность! Узнав, что она собирается замуж за Пospelовского, он заявил: если не мне, то и никому! В общем, Отелло, мать его...

И вот недавно Лидия заявила, что убийца не Андрей вовсе, а другой. «Скажи — кто?» — настаивал отец. Но она молчит. Не он, и все.

После ухода отца она, кстати, недолго прожила с мачехой, тоже покинула Котельники. Ну да, ведь у нее появился ребенок. Она пыталась поначалу скрыть имя его отца, вызывая естественное возмущение и Пospelовского, и Юлии Марковны, для которой она была в этой новой ситуации вообще никто. Короче, перебралась к отцу, подкошенному горем, и стали они жить-поживать втроем: он, она и маленький Вася, названный так в честь дедушки, которого Лидии не довелось увидеть в жизни.

Собственно, и вся история...

Если у адвоката имеются дополнительные вопросы, Валентин Васильевич был готов ответить на любые. Кроме того, дочь сказала о возможном гонораре, что-то в районе двадцати тысяч долларов? Это, пожалуй, устроит. Тем более что отзывы, полученные Пospelовским от совершенно разных людей по поводу деятельности адвоката Гордеева, сходились в одном: главное — ему можно верить абсолютно.

Юрию Петровичу была приятна такая оценка. И он сказал, что, по всей видимости, возьмется за это дело в порядке надзора. Есть такой юридический термин.

Пospelовский кивал, но мыслями был, вероятно, очень далеко отсюда, где-то в своих собственных проблемах. А потом, что еще нужно-то? Он же свое дело исполнил? Что знал — рассказал. Откуда стало известно об изменах супруги? Да господи, со зла чего только не наговорит сама женщина! Вот и кричала, что, мол, жить с тобой... и так далее. Вспоминать противно. Отвратительно все это! Ужасно! Вот придет Лидия, когда будет угодно адвокату,

пусть она дальнейшим и занимается. А он — уж увольте, господа... Сделайте такое одолжение, чтоб и не знать об этом, и больше никогда не слышать...

Понять-то его, конечно, можно, но ведь все равно придется обращаться и с вопросами, и с просьбами. Пока дело не известно во всех его тонкостях, досконально, ни в чем твердо быть уверенным нельзя.

Они сдержанно простились. Гордеев, как более молодой — еще бы, едва ли не вдвое! — подал посетителю пальто — тяжелое, из середины уже прошлого века, мерлушковую шапку-пирожок и проводил до двери, за которой Валентина Васильевича ожидала черная «вольво». Обеспеченный и обремененный государственными заботами человек... А тут какое-то, к черту, отравление, от воспоминания о котором окончательно портится настроение!.. Ну пусть каприз любимой дочери, пусть, раз она так хочет, настаивает, но, пожалуйста, господа, давайте все-таки останемся в пределах, так сказать... да, в пределах...

2

Звонок Лидии застал Гордеева на службе. Она спросила, все ли в порядке, был ли отец и какое он произвел на адвоката впечатление? Она так и сказала: «адвоката», будто речь шла о ком-то постороннем. И тон был сухим и деловитым.

Юрий ответил в том же духе, что «посетитель» был, уехал по своим делам, что некоторые весьма, кстати, незначительные обстоятельства дела прояснились, но все это еще не дает ему общего представления о существе той ситуации, в которую оказалось втянутым большое количество людей с их слишком противоречивыми интересами и поступками. Вот такую фразу завернул он без единой паузы и на одном дыхании.

Лидия молчала, видно обдумывая услышанное.

— То есть вы хотите отказаться, Юрий Петрович? — спросила неожиданно.

Гордеев уже понимал, что все здесь не так просто, как пробовала изобразить Лидия. И вероятно, немалые силы были задействованы в темной, криминальной истории, жертвой которой стала ни в чем не повинная женщина. Хотя... Там, где заглочены огромные деньги — а московское строительство — это миллиардные субсидии, — что такое какая-то человеческая казнь, тем более если она может и не представлять значительного общественного интереса! Богатая дама в разводе, очередная бывшая жена олигарха, все, кстати, богатство и привлекательность которой, ну за исключением драгоценных каких-нибудь брюликов, заключено в ее постели! Да, притягательно, но не более. Не до смертоубийства, во всяком случае. Это если измерять факты человеческими мерками. Но ведь у них, у этих «новых русских», своя собственная система мер и весов. Оттого и поступки их не всегда представляются логичными нормальному человеку.

Или, может быть, как раз наоборот? Именно они и логичны и сильны — той самой логикой, которую когда-то великий американец Джек Лондон назвал альтруизмом голодной свиньи.

Во всяком случае, одно уже понимал Гордеев: мадам Осинцева умерла не случайно, в смерти ее в разной степени, но обязательно виновата вся троица, или «триада», как угодно, а вот кто явился исполнителем заказа, это может сказать лишь Андрей Репин, обретающийся теперь в колонии строгого режима в районе города Потьма, что на Вологодщине.

Если в Мосгорсуде, где рассматривалось дело об убийстве Инны Осинцевой, просмотреть все материалы следствия, наверняка станет ясно, что убийца Андрей. Это же он достал крысину отраву и отправил замечательную женщину Инну Александровну на тот свет. В долгих мучениях. Но причина? Ревность к отцу Лидии, который собирался на старости лет жениться? Чушь несусветная, хотя бывает. Однако же правый и скорый суд учел именно это «однако», собственные показания обвиняемого, его аргументы и душевное состояние, но не нашел причины для смягчения приговора и впаил парню по максимуму статьи сто пятой, пункт первый

УК Российской Федерации — пятнадцать лет строгого режима. Два из которых тот уже отбарабанил.

И вот нате вам! — новый поворот темы. Оказывается, виновен не он, а... кто-то другой. Но мы его называть не станем! А ты, адвокат, чтобы заработать оговоренные двадцать тысяч баксов, должен будешь проводить собственное расследование, хотя тебе оно категорически противопоказано...

И еще один вопрос не оставлял Юрия Петровича. Ну если следствие слишком торопилось, если суд в конечном счете не вгрызся в это дело, а ограничился формальными признаниями и, скажем, весьма поверхностными выводами экспертизы, почему вдруг, спустя уже два года, снова возник интерес и к этому делу, и к человеку, якобы пострадавшему невинно? В чем причина?

Исходя исключительно из тех фактов, которые изложили адвокату папаша и дочь Поспеловские, Гордеев мог бы сделать, например, такой вывод, пусть в чем-то смелый, но отчего же и не реальный. Имеются в наличии два брата двоюродных — Гриша и Андрей. Оба влюблены в Лидию. У нее появляется ребенок, сын — от Григория. И как раз в эти же дни происходит убийство. Обвиняется в нем Андрей, который и берет на себя вину. А что Григорий? А этот папаша неизвестно где обретаётся, кинув свою любимую вместе с сыном. Лидия говорит о нем с откровенной неприязнью. Даже ненавистью. Это естественно: так и должна говорить брошенная женщина. По логике вещей получается, что влюбленному в Лидию Андрею было совершенно незачем убивать Инну. Даже если бы он и спал с ней. И потом, какая может быть ревность к пожилому и уж явно не секс-гиганту Поспеловскому? Чушь все это. Но с другой стороны, прикрыть собою поступок брата Гриши, ухайдакавшего Инну как предмет раздора в существующей «триаде» Поспеловский — Юлия — Носов, это он вполне мог. Что, возможно, и сделал.

Но тогда зачем же пересматривать дело? Вытащить из узилища уже настрадавшегося Андрея, чтобы отправить туда Григория? Что это, месть оскорбленной и брошенной женщины? Жажда справедливости, возникшая вдруг? Отсюда резонный вопрос: раньше-то где были?

Значит, и суть действий адвоката должна сводиться к следующему: доказать невиновность Андрея и освободить его из колонии, чтобы его место там занял братец Гриша. Перевести стрелку, другими словами. А Гриша захочет? Конечно, нет. Ведь он же отец Лидино сына. Она и сама категорически отказалась назвать имя убийцы, хотя бесспорно знает. Может, их разрыв — это результат именно этих ее знаний? Не исключено.

— Так что вы говорите? — словно очнулся Гордеев.

Он все еще не принял для самого себя окончательного решения, впрочем, двадцать тысяч долларов — сумма достаточно приличная, чтобы взяться за это муторное и, в общем, неблагоприятное дело. Но почему-то торопиться не хотелось, то ли предчувствие какое нехорошее, то ли настроение не то: собрался в Домбай, а тут на тебе! — да и мысль возникла спасительная: может, плюнуть и Вадьке спихнуть? — все как-то один к одному... А она ведь ждет, не бросает трубку.

— Ну хорошо, уважаемая Лидия Валентиновна, тогда, если позволите, последний вопрос — и решим окончательно. Из того, что мне пока известно, напрашивается малоутешительный вывод. Если вы настаиваете на том, что убийца не Андрей, по логике вещей им должен оказаться отец вашего сына — Григорий. Вас устроит такой вариант?

— Я не называла вам фамилию убийцы! — воскликнула она возмущенно. — Не надо передергивать! И уж тем более — отец! То есть я хотела не то сказать...

— Ну то, что убийцей Инны мог стать ваш папаша, я сразу отрицаю. Но ведь он мне не пожелал назвать хотя бы подозреваемого им. А вот косвенные доказательства найти, пожалуй, можно. Однако я возвращаюсь к тому вопросу, на который вы мне не ответили: вас устроит, если в колонии строгого режима займет место Григорий Носов?

— Если будет доказано, что виноват он, пусть так и случится! — твердо произнесла Лидия. — Но... ведь вы должны по роду своей деятельности, кажется, защищать невинно пострадавшего, а не ловить преступника?

— Все так. Но я должен представить ходатайство о внесении протеста в порядке надзора должностным лицам, которым это право предоставлено. Возможно, прокурору города Москвы или заместителю генерального прокурора, пока не знаю. Они потребуют дело из суда, и, если усмотрят, что приговор является необоснованным, его направят в соответствии со статьей триста семьдесят шестой Уголовно-процессуального кодекса в надзорную инстанцию. Предположим, что президиум Верховного суда России примет решение направить дело на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. И все закрутится по новой! Мало доказать невинность, надо найти виноватого. Вот и постараемся отыскать истинного убийцу. И последствия расследования могут быть непредсказуемыми. Вы хотите этого? Другими словами, извините за прямоту, вы желаете, чтобы отец вашего ребенка сел хорошо и надолго? А возможно, что и не он один?

— Я хочу, — решительно заявила Лидия, — чтобы невинный человек не страдал ради каких-то высших своих соображений. И потом, я иногда почему-то думаю, что... словом, можете назвать меня как угодно, но мне кажется, что я могла бы ответить взаимностью на его чувства. Понимаете?

— В общем... почему ж не понять?... — промямлил Гордеев. — Можно, конечно. А что, в свидетельстве о рождении Василия в графе «отец» у вас разве прочерк?

— Нет! — жестко ответила Лидия. — Там написано как и должно быть: Василий Григорьевич Носов! Но, полагаю, что теперь это будет длиться недолго.

— Понятно, — хмыкнул Гордеев. — Василий Андреевич, разумеется, звучит лучше. Как поэт Жуковский. Вы это имеете в виду?

— Я не хочу сейчас обсуждать с вами эту проблему. Кажется, к компетенции адвоката данный вопрос отношения не имеет?

— Ни малейшего. Тут вы абсолютно правы.

— Тогда каков же будет ваш ответ?

— Приезжайте, — согласился наконец Гордеев. — Будем заключать соглашение. Если вас устроит, захватите половину оговоренной суммы, чтобы часть внести в кассу юридической консультации, а остальные деньги обеспечили мне возможность действовать без оглядки на имеющиеся средства.

— А сейчас разве еще не поздно?

— Если вы поторопитесь, почему же? Или вы хотите сделать это завтра?

— Нет уж, давайте покончим сегодня со всеми проблемами, потому что... ладно, это неважно.

— Хорошо, я жду...

3

Она примчалась запыхавшаяся и красная — не то от крепчающего к вечеру морозца, не то от волнения.

С формальностями покончили быстро. Составили соглашение, потом Гордеев отвел ее в кассу. Запер пачку денег в своем сейфе, оставив себе на расходы тысячу долларов. И когда со всеми этими делами закончили, спросил:

— Так все-таки почему вы торопились закончить именно сегодня? Есть причина?

— Есть. И я вам назову ее. А что, я сильно поломаю ваши сегодняшние планы, если попрошу подвезти меня до дома? В Староконюшенный.

— Не сильно. Тем более что и у меня к вам найдутся два-три вопроса по делу.

Уже сидя в машине, Лидия хмурила лоб, сопела, будто ее что-то беспокоило. Наконец не выдержала сама — Гордеев, поглядывая искоса, вопросы не задавал, ждал — и заговорила.

— Понимаете, Юра... — Ага, вернулась ко вчерашней доверительной интонации! — Моя личная беда заключается в том, что я не уверена в полнейшей невинности Андрея...

— Здравствуйте! — воскликнул Юрий и даже притормозил слегка. — Вы что же, уважаемая, после всего рассказанного пытаетесь использовать адвоката втемную?

— Нет, вы не поняли. А я не объяснила. Я о том, что если он ни в чем не виноват, тогда что он делал в квартире покойной? Зачем он ходил к ней? И почему она принимала его у себя? Что у них могло быть?

— Как вы уже предположили, он мог там быть вдвоем с убийцей, ведь так? Это многое объясняет.

— Но зачем он там был? Он что, знал заранее? Чтобы в нужный момент взять вину на себя? Это же бред сивой кобылы!

Гордеев кивнул и пожал плечами. Ясно — запоздалая ревность. Но отвечать не стал. Поехали двое молодых мужиков к красивой бабе — зачем? Вопрос, конечно, очень интересный! Но главное — необычайно умный.

— Вот вы сказали, что Василий Андреевич звучит гораздо лучше, чем... — она запнулась, словно не зная, как продолжить.

— Не передергивайте, — спокойно заметил Гордеев. — Я сказал всего лишь, что это сочетание звучит благородно, как у поэта Жуковского, не более. А выводы — предварительные — вы уже сделали сами. И вероятно, достаточно давно. Так что и не лукавьте. Но почему спешка, вы так мне и не ответили. Не хотите — не надо.

— А я отвечу! Потому что уже завтра с утра я могла бы переменить свое решение!

— Вот даже как? — изумился Гордеев. — Так не кажется, что вы все-таки поторопились? И есть смысл вернуться и отменить вашу игру? Прекратить, пока не поздно. Хотя поздно никогда в таких случаях не бывает. Скажите, и я верну аванс. Ну? Зачем же совершать неразумные действия? Пусть все у вас катится как есть. То есть к чертовой матери! Вы что, в самом деле уверены, что разгребать человеческое дерьмо — приятное занятие?..

— Ишь вы какой умный! А потом я буду думать, что могла однажды помочь человеку, но испугалась в последний момент?

— Так вы его любите или нет? — более, чем следовало, резко спросил Юрий.

— Я знаю точно только одно: он меня любит.

— Вам этого мало?

— Возможно, даже больше, чем нужно. Но...

— А может, вам психиатру показаться?

— Вам нравится обижать меня?

— Обижать мне вас неприятно, чего я стараюсь и не допускать. Но вот врать адвокату, точно так же как и своему лечащему врачу — я уже второй раз говорю вам об этом, уважаемая Лидия Валентиновна, — совсем негоже. И даже вредно. Для дела и для здоровья.

— Если бы я врала, я была бы... вернее, выглядела бы более уверенной, разве не так?

— Согласен. Так вот, вопрос первый. И оставим пока ваши сомнения. Вы знали, что ваша мачеха была и, возможно, по сей день является любовницей Носова-старшего?

— Папа вам рассказал?

— Ну а кто еще? Не вы же...

— Я бы, наверное, не решилась... Да, знала. И даже гораздо больше того.

— А так бывает? — усмехнулся Гордеев. И позже пожалел о своей ухмылке.

Позже — когда подъехали к дому в Староконюшенном, а Лидия продолжала тихо рассказывать, и они сидели в машине и дымили в открытое окно.

4

Однажды Лидия вернулась домой позже обычного.

После участвовавших скандалов между отцом и мачехой, предметом разборки в которых теперь постоянно была лишь одна фамилия — Осинцева, Лида вообще, если могла бы, не возвращалась сюда. Хоть отдельное жилье себе снимай! Так все осточертело.

Ну, во-первых, чего отцу понадобилось на старости-то лет! Лида видела пару раз эту дамочку. Да, достаточно эффектная, крупная такая, стильно одевается, вся из себя. Таких больших женщин почему-то особенно любят мужики маленькие и невзрачные, будто находят себе в рослых подругах определенную компенсацию собственных недостатков, недоданных природой. Но отец-то ведь совсем не карлик какой-нибудь, вполне прилично еще выглядит мужик! Опять же нравится она ему. Ну предположим. Хотя довольно трудно обсуждать эту тему, если мужчине уже седьмой десяток, а женщина тридцатник перевалила, то есть вошла в самый балзаковский возраст.

И тем не менее бывает, пусть.

Итак, заимел ты сердечную, или какую-то там другую, привязанность, вот и навещай ее время от времени, если вам обоим так неймется! Но не афишируй своей связи! Это вам зачем? Старческий маразм играет? Хочется, чтоб все кругом видели и обсуждали, какой ты молодой и удачливый? Вон, поглядите, бывшая супруга миллионера Осинцева у него в любовницах бегает! Так, что ли? Есть же предел всякому неприличию.

Ну ладно, ему так хотелось. И ей — тоже. Тогда разведись себе спокойно с женой, с которой прожил два десятка лет, а детей так и не нажил — с ней, объясни, что бес в ребро, останься с ней хотя бы в приятельских отношениях, переезжай к новой своей пассии и живи как хочешь. Ведь что прежде было самым главным у вас? Ваше дело! За него ведь боялись Юлия и Носов. Были уверены, что рухнет выстроенная немалыми усилиями пирамида, в основании которой были заложены власть, умение и удача, а на вершине — огромные возможности и деньги. В кои-то веки выстроишь подобное! И вот взять и все обрушить своими же руками? Нет, партнеры на такой твой шаг не согласны. Более того, они категорически против и, вполне возможно, даже готовы предпринять свои шаги, защищающие общее дело. Ты же, вместо того чтобы страдать от всеобщего непонимания, лучше бы предпринял попытку объяснить твоим партнерам свою позицию и предоставил делу двигаться так, как оно всегда двигалось. Не создавая при этом ненужных проблем.

Но вместо разумных действий ты гордо удалился, практически разорвав с ними дружеские отношения.

Во-вторых, если тебе действительно приспичило и ты не можешь часа прожить, чтобы не видеть, не держать в руках свою молодку, откажись по-честному от дел и занимайся только любовью. Пока сил хватит...

Дети редко понимают своих родителей, особенно когда у тех возникает «любовь» на стороне. Да еще, не дай бог, всерьез! Это уже выше любой крыши. Молодые эгоистичны, они уверены, что настоящая любовь — это их личный удел. У старших же все давно в прошлом.

Лида не составляла исключения. Она и во время ссор чаще, чисто по-женски, бывала на стороне Юлии. Даже и звала ее — Юля, а не мама и не тетя. Она выросла у Юли на руках и никогда не испытывала какой-либо ущемленности, недовольства действиями мачехи. И поэтому отцовский поступок, отягощенный его настойчивым желанием поставить на своем, не вызывал понимания в душе Лидии. До определенного времени...

И вот папа переехал в Староконюшенный, где купил себе жилье. Юлия, естественно, свирепела, когда до нее долетали слухи о похождениях «старика». Лидия вечерами коротала время в своей комнате, выходящей окнами на Москву-реку, и с высоты двенадцатого этажа

наблюдала за бегущими по воде речными трамвайчиками. Размышляла о том времени, когда Юля с папой, возможно, помирятся, ну хотя бы заключат временное перемирие, чтобы отвезти ее в родильный дом. Ребенок уже жил внутри нее, правда, активно еще не давал о себе знать. Но она его чувствовала.

Забегали в гости Гриша с Андрюшей — оба большие, веселые, — и тогда становилось празднично на душе. Юля пила с ними совсем чуточку шампанского, угощала гостей разными вкусностями, и казалось, будто ничего в ее жизни не случилось. Гриша обсуждал с Юлей им двоим ведомые проблемы, поскольку он возглавлял службу, которая занималась охраной и ее фирмы.

С Лидией Гриша всегда был добрым и ласковым. Правда, иногда ей казалось, что где-то у него есть другая, более важная для него жизнь, а она, Лида, у него вроде пушистого котенка, с которым, отдыхая, можно и поиграть бумажным бантиком на ниточке. Но, с другой стороны, так ведь приятно быть именно котенком в сильных руках любящего хозяина!..

Знай Лида заранее, что может случиться, она бы ни за что не пошла в тот проклятый вечер домой. Поехала бы к кому-нибудь из подруг, да в конце концов, к отцу бы отправилась. И ничего бы не произошло. Но она ничего не знала и ни о чем не догадывалась, а Гриша ведь был, ко всему прочему, еще и отцом ее ребенка, который скоро уже начнет толкаться ручками своими и ножками, желая поскорее увидеть белый свет.

Своим ключом она открыла дверь. Показалось, что в квартире кто-то есть, но в прихожей было темно. Наверное, показалось.

Лида разделась, снова погасила ненужный свет и прошла в свою комнату. И испугалась. За ее рабочим столом, возле прислоненного к книжному шкафу кульмана, сидел на стуле Андрей и что-то читал. Он резко обернулся на ее шаги и как-то растерялся. Вскочил, стал суетливо ее усаживать и при этом говорил и говорил что-то без умолку. Но у Лиды будто заложил уши. Она смотрела на Андрея и ничего не понимала. Наконец спросила:

— А где?..

И он опять сбивчиво что-то понес, но, когда она встала, чтобы выйти в кухню, вдруг словно стена преградил ей путь, держа за обе руки и не отпуская. Это почему-то ее сильно разозлило, и она решительно отстранила его, вышла за дверь и... замерла.

До нее донеслись непонятные, усиливающиеся стоны, почти вопли, и летели они определенно из спальни Юли.

Высочивший следом Андрей попытался снова схватить ее за руки, но Лида резко отпихнула его и ударом ноги распахнула дверь в спальню.

То, что она увидела, было ужасно! Отвратительно и подло!

В совершенно неприличной, раскоряченной позе, выгнув спину и упираясь лбом в спинку кровати, взад-вперед качалась, стоя на локтях и коленях, голая, распаренная, будто после ванной, Юлия, а сзади, припав к ней всем телом и ухватившись руками за полные, отвисшие груди, ее грубо насиловал такой же голый и почему-то кошмарно волосатый, огромный Гриша...

Они не любили друг друга и не получали наслаждения, а именно как зверье, как шелудивые собаки, жадно и грязно совокуплялись... Черт знает как еще можно было назвать то, что вытворял будущий Лидин супруг и отец ее ребенка со своей потенциальной и такой миниатюрной по сравнению с ним тещей.

Лида вскрикнула. Так ей показалось.

Григорий резко вскинул мокрую, оскаленную физиономию с выпученными глазами, но вряд ли увидел Лиду, люто, по-звериному, зарычал и ринулся продолжать свое гнусное занятие. А Юля мучительно изогнулась под ним и взвыла с новой животной силой.

Лида пришла в себя уже в собственной комнате. Над ней склонился Андрей и мокрым полотенцем вытирал ее лицо. Увидев, что она открыла глаза, сказал, что очень испугался, когда она истошно закричала, а потом рухнула на пол и потеряла сознание.

Она захотела приподняться, но Андрей мягко и сильно уложил ее обратно.

— Я не желаю его больше видеть никогда... — сказала она.

— Его здесь нет, — ответил Андрей и отвел взгляд.

— И ее — тоже, — добавила она.

— Она спит давно... Они были пьяные, и Юля его дразнила. Вот и доигрались...

— Помоги мне. Я хочу уехать отсюда.

— Куда ты поедешь? Ночь на дворе. Спи, завтра разберетесь. Вы женщины, вам проще самим.

— Я ничего не хочу о них слышать!

— И не надо. Выспишься, придет утро. Будет желание — объяснитесь, нет — возьмешь что надо и переезжай, да хоть и к Валентину Васильевичу. А необходимые вещички перевезем, если понадобится. Как ты себя чувствуешь?

— Пустота... Ты же видел это все, Андрюша, скажи мне: зачем? За что? Разве я заслужила?!

— Я ж повторяю — пья-ны-е, — произнес он отдельно, будто оправдывая их этим.

— Но ведь ты же...

— А что я? — словно бы смутился Андрей. — Я вообще смотрю на такие вещи иначе. Понимаешь, и повода особого не было. Это Юлька его завела. Я ушел к тебе, сюда, а она уже поддала сегодня где-то, приехала на нерве, ну то-се — и поехало дело... Противно, конечно, но ведь это жизнь, Лидок, куда, родная, денешься?..

— Значит, ты уже все видел и знал? — начала закипать Лидия.

— Да они и сами не шибко скрывали... А вот если бы ты приехала попозже, ничего б и не было. Я тебя понимаю, но и ты пойми Гришку, не каждый выдержит, когда тебя хватают, тянут, ну и...

Она послушалась Андрея и никуда не уехала. Но они проговорили почти до самого утра: Лида жаловалась на свою нелепую судьбу, а Андрей как мог утешал ее, уговаривал простить Гришку. Ну сорвался парень, да ведь и Юля, если говорить правду, баба в самом соку. А дорогой папаня, вместо того чтобы ублажать жену, на стороне шашни заводит. Разве ей не обидно, не горько? А то, что, как говорится, не всегда эстетично любовная страсть выглядит, не очень красиво со стороны, так то персональное дело каждого. Бывает ведь по-разному, оно, может, вроде и грубовато, а люди от наслаждения сознание теряют, всяко случается...

Настолько долгим и искренним был разговор, что в конце концов, уже под самое утро, истосковавшаяся душой и телом Лида, перед внутренним взором которой нет-нет да вспыхивало вдруг расслабляющее ее видение яростной схватки мужчины и женщины, маленько приобняла друга своего детства, потом шутливо поцеловала его в висок, а завершилось это все неожиданными объятиями и мощной вспышкой обоюдной страсти, от которой она едва не сомлела теперь уже сама.

Потом Андрей оставил ее, и она долго лежала в изнеможении, каясь и клянясь немедленно забыть то, что случилось сегодня. Сознание было в полнейшем смятении, но душа оглушительно кричала от переполнявшего ее счастья. Вот и пойми себя после этого...

Она в самом деле поклялась забыть, постараться понять и простить Гришу. Еще бы, после стремительных и нежных ласк Андрея она уже не чувствовала себя способной судить отвратительный Гришкин поступок. Все мужики в определенном смысле кобели — так ведь и сказал ей Андрей. Что потом с успехом продемонстрировал. Так какой же из нее после всего этого судья?..

Юрий Петрович стал первым, кто узнал об этой ее слабости. И последний. Сидя в его машине и глядя за окно, она словно исповедовалась в самом своем сокровенном. Да оно, вероятно, так и было. Говорил же ей Гордеев, что адвокат — он как домашний врач. А оказалось, еще и почти священник.

Меньше всего, честно говоря, хотел им быть Юрий Петрович, а вот пришлось. В какой-то момент даже почувствовал, что зря согласился на такую роль. Исповеднику как-то неловко слишком уж ласкать глазами кающуюся грешницу. А может, в этом и заключается тоже одна из их замечательных ловушек? Женщин, разумеется...

Глава третья

КОМАНДНЫЕ ИГРЫ

1

Озабоченное выражение не сходило с лица Юрия Петровича Гордеева. Появилось такое ощущение, что кто-то, определенно информированный о его действиях, взялся мешать ему и при этом — мелко пакостить.

Неожиданно с утра он обнаружил, что оба передних колеса его «форда» проколоты. Вообще менять колеса вещь малоприятная, а на морозе тем более. Хорошо, что запаска имела в багажнике, а уж вторую — летнюю резину — пришлось тащить с балкона.

Гордеев уж знал: раз началось, не отстанут, и отправился в ближайшую автомастерскую. Там потерял почти полдня, у мастеров непонятно почему вдруг оказалось слишком много работы, хотя до его приезда они курили у раскрытых настежь дверей. Ну ладно, это все, в общем, чепуха, поменьше мнительности, Юрий Петрович, и все образуется.

Потом он отправился на Богородский Вал, к Преображенке, в Московский городской суд. В канцелярии суда получил разрешение на ознакомление с делом по обвинению Андрея Репина в убийстве Инны Осинцевой и отправился в архив — делать выписки.

И снова показалось ему, что в логике судьи, которая два года назад зачитывала несколько десятков страниц приговора по делу, прослеживается какая-то странная нотификация, что ли. Оно вроде бы все правильно и в соответствии с законом, но кругом сплошные недоговоренности, а собственно обвинение построено на наличии пальцевых отпечатков Андрея, найденных экспертом-криминалистом на кнопке дверного звонка и бронзовой статуэтке, стоявшей в гостиной Осинцевой на каминной доске, на опознании Репина, произведенном охранником, работающим в доме на Тверской, где проживала ныне покойная, и, самое главное, добровольном признании самого подозреваемого в убийстве. Иными словами, все собранные доказательства как бы и способствуют установлению истины, но, с другой стороны, представляются и несколько формальным действием, словно бы притянутым за уши для утверждения заранее установленного факта: кто — кого и каким способом убил. За что? — этот вопрос практически никого не волновал. Ревность — и все.

Фигурировала в деле и визитная карточка из казино «Карусель», на которой имя владельца указано не было, но она «явно» могла принадлежать Репину, с чем тот также немедленно согласился. Почему? Заставили? Уговорили? Или, чувствуя шаткость обвинительных аргументов, совали каждое лыко в строку?

Вопросов возникало гораздо больше, чем ответов на них.

Юрий Петрович не был особо знаком с председательствующей в том судебном заседании Маргаритой Леонтьевной Афанасьевой. Мнения о ней среди постоянно вращающихся в судебной системе прокуроров, следователей и адвокатов были самыми противоречивыми. Говорили, что она несомненно умна, но и достаточно беспринципна. По понятным причинам может по незначительной статье вкатить вдруг под самый потолок, а то почему-то позволить явному уголовнику воспользоваться подпиской о невыезде и тут же скрыться от правосудия. Бывает груба и слащава до отвращения. И суть совсем не в настроении — мало ли какие у женщины средних лет случаются в жизни капризы и проблемы! — а в особом статусе определенной вседозволенности, которая и руководит чаще всего в нашей сумеречной действительности решениями и поступками людей, облеченных властью. Вот в чем беда...

Гордеев решил узнать, где Афанасьева и можно ли встретиться с ней по делу Репина. Ничего не подозревающая девица из канцелярии выяснила, что Маргарита Леонтьевна в суде, в своем кабинете, и что он может прямо хоть сейчас подойти к ней и договориться о времени встречи.

Либо не в курсе оказалась девушка, либо нечаянно поддалась обаянию Юрия Петровича. Но когда Гордеев, вежливо постучавшись в дверь кабинета с красно-золотой табличкой «Судья Афанасьева М. Л.» и услышав резкое «Да?», открыл дверь, первым же вопросом был следующий:

— Кто вы и что вам здесь надо? Кто вас послал сюда?

Ого! Приветливо, ничего не скажешь. Вполне в духе того, что об этой даме рассказывают. Но резкости вовсе не входили в планы Гордеева. Он заявил, что прибыл исключительно по личному почину, ибо неоднократно слышал от коллег, что она — человек хоть и, бывает, шумный, однако справедливый, чего отрицать не может никто. После чего достал свои документы, соглашение и ордер на ведение дела Репина в Мосгорсуде — словом, все необходимое — и протянул судье. Она внимательно прочитала и только после резким, как и ее голос, жестом пригласила его сесть.

— И с чего вы намерены начать, господин... — она заглянула в его удостоверение, которое держала перед собой в вытянутой руке: дальнзоркость, что ли? — э-э... Гордеев?

— Предполагаю встретиться с осужденным в колонии, надеюсь, возражений с вашей стороны не последует, ваша честь? — с легкой улыбочкой ответил Гордеев.

— Не последует, — как отрубил она. — Еще что?

— Вопрос можно?

— Ну слушаю, слушаю, — нетерпеливо и недовольно бросила она, словно ей было очень жаль времени, которое отнимает у нее этот вежливый размазня адвокат. — Излагайте же наконец!

— Вы не вспомните, по какой причине Репину определен срок наказания пятнадцать лет строгого режима? Разве не нашлось смягчающих вину обстоятельств? Извините, если у вас сохранилось в памяти это дело.

— Сохранилось. Адвокату не удалось доказать, что убийство Осинцевой не было заранее спланированным и хладнокровно выполненным преступным актом. Снисхождения этот убийца не заслуживал.

— А адвокат?..

— Обвиняемый отказался от защиты, и ему был назначен адвокат из Московской городской коллегии. Фамилию можете узнать в деле. Еще вопросы?

— Хочу уведомить вас, ваша честь, что постараюсь приложить все силы, чтобы найти доказательства невиновности осужденного. Вот, пожалуй, и все. А еще хотел с вами познакомиться лично. Благодарю.

— Старайтесь, — философски усмехнулась судья. Остро взглянула на адвоката и добавила: — Слушайте, а вы не тот самый адвокат Гордеев, который пришел из Генеральной прокуратуры? Кажется, в девяносто пятом году. Так?

— Истинно так, ваша честь, — улыбнулся Гордеев. — У вас отличная память.

— На что?

— Даже на такие мелочи, — подчеркнул он.

— Я предпочитаю знать, с кем приходится работать... А вы что же, вероятно, надеетесь на свои прежние связи?

— Не без этого, Маргарита Леонтьевна, — вздохнул Гордеев. — А что, это нехорошо?

— Ваши проблемы. Если пожелаете, дам житейский совет. Не напрягайтесь. И не обостряйте ситуацию, вы еще достаточно молоды, чтобы рисковать зря. Извините, время дорогое.

Гордеев поднялся, отвесил поклон и вышел.

Интересный намек: рисковать зря... Ну уж сама-то она, вынося приговор, ничем не рисковала, скорее, наоборот. Лепила по максимуму. И опять возникло ощущение какой-то очень нечистой, закулисной игры. Значит, надо было начинать с азов: ехать в Потьму и допрашивать заключенного Репина Андрея, как там его по батюшке-то? Петровича. Ну да, он же двоюродный брат Григория, а мать его — родная сестра Ильи Андреевича Носова. Как сказала про него Лера? А сказала она, что этот дядечка, на содержании которого еще до замужества с Пospelовским находилась юная красотка Юлечка Федина, очень серьезный и опасный человек, одно слово — бульдозер. Ну а после замужества... это уж у них, видно, как получалось. И с папочкой жила, и с его сыном Гришей не брезговала кувыряться, и муженька законного своего ревновала напропалую. Чудны, чудны дела твои, Господи, как же терпишь этакое?..

Юрий Петрович обошел свою машину, находящуюся на служебной стоянке Мосгорсуда, — на колеса больше никто не покушался. Сел за руль, собираясь ехать к себе на Таганку, в юрконсультацию, чтобы выписывать командировочное удостоверение в колонию строгого режима, находящуюся под городом Потьмой. Но тут заверещал мобильник.

— Гордеев слушает, — сказал спокойно, думая, что это кто-нибудь из своих. Однако голос был ему неизвестен.

— Слушай сюда, адвокат, — басовито заговорил очень уверенный в себе мужчина. — У тебя халявное дело завелось, да? За сколько взялся?

— Простите, — не повышая голоса, ответил Гордеев, — представьтесь для начала и объясните причину вашего ко мне интереса. Иначе разговора у нас не получится.

— Ну ты фраер! — грубовато хохотнул голос. — Да если я вышел на твою мобилу, неужели думаешь, что мне интересно долго с тобой базарить? Говори, сколько хочешь отступить? И чтоб сразу хер покласть на все твои соглашения! Сумму свою называй!

— Это не разговор. И тем более не базар. А номер этот забудьте, он вам больше не понадобится.

— Погоди, адвокат, — несколько смягчился голос, — не гони волну! Какая тебе выгода выпуливать-то фраера? Ну два десятка кусков, ну три! Да? А я тебе полтинник отстегиваю. Налом, адвокат! Без налога. Бери и, хрен с тобой, волюнь, лепи ему чего хошь, пока он сам копыта не откинет. Ну прикинул?

— Прикинул, — ответил Гордеев, в глубине души понимая, что совершает очередную ошибку, продиктованную пресловутой профессиональной честью. — Считай, братан, базара у нас с тобой не было.

И отключил трубку.

Вот они и обозначились окончательно — первые-то ласточки. То — колеса, теперь — предложение взятки, потом пойдут угрозы. Кто-то категорически не хочет, чтобы дело, по которому сел Репин, начали пересматривать. Теперь уже не зевай и гляди в оба, Гордеев! Полтинники просто так не предлагают, тем более не за дело, а, наоборот, за безделье.

Номер мобильного придется переиграть. По этому уже спокойно жить не дадут, советами замучают. И Юрий Петрович переменял свое решение: поехал не на Таганку, а в центр, на Неглинную улицу, в частное охранное предприятие «Глория», которое занималось не только охранной деятельностью, но и частным сыском.

2

Денис Грязнов, директор «Глории», сидел за большим своим столом у компьютера и делал пометки для себя по мере рассказа Юрия Гордеева, заглядывающего в выписки из дела Репина. Время от времени он, будто дирижер оркестра, движением остро отточенного карандаша останавливал приятеля и делал акценты на отдельных моментах того расследования, которое собирался поручить ему и его сыщикам адвокат.

Намекая нынче на прежние связи Гордеева и в Генеральной прокуратуре, и вообще, судья Афанасьева была, собственно, не так уж далека от истины. Вряд ли бы удалось Юрию Петровичу без помощи и поддержки «важняка» Александра Борисовича Турецкого, или его шефа — заместителя генерального прокурора по следствию Константина Дмитриевича Меркулова, или без тех же Дениса с его парнями и дядей Вячеславом Ивановичем Грязновым, возглавляющим Московский уголовный розыск, быстро и надежно справиться с задачами, которые, случается, бывают не под силу даже бригаде опытных следователей и оперативников.

Отсюда и второй ее намек: мол, не зарывайтесь зря. Понимает же, что адвокат в конечном счете поступит по-своему, но, зная, естественно, больше, чем он, заранее предупреждает об опасности нового расследования. Что, кстати, как нельзя лучше и проиллюстрировал звонок на мобильник неизвестного спонсора-доброжелателя. И сумма была выставлена вполне приличная, чтобы отказаться от дела, а если не позволяет профессиональная честь или уже полученных денег жалко, то не запрещено и тянуть с расследованием и забалтывать его как можно дольше, вплоть до морковкина заговенья, как говорится. Совет, между прочим, отнюдь не лишен логики.

Денис слушал, раздумывал, покачивал головой, молча соглашаясь с точкой зрения Гордеева, помечал для себя отдельные нюансы. Это ему все понадобится позже, когда его сыщики станут получать уже конкретные задания — по каждому эпизоду дела.

— Хорошо, — сказал он наконец и вывел на принтере распечатку своих заметок. Положил страничку с уборым текстом перед собой и ткнул в нее карандашом.

Юрий улыбнулся. Новый век, совершенная техника, а душа по-прежнему требует вещественной конкретики: текст, карандаш, черкай себе сколько хочешь!

— Давай по пунктам, — продолжал Грязнов. — Значит, квартира покойной вернулась к олигарху, так? Вероятно, он со своей новой дамой все перестроил по-иному. Поинтересоваться можно, но вряд ли наш интерес что-то даст. А вот охранника Ознобихина — так? — его мы, пожалуй, можем пощупать. При условии, что он по-прежнему там же служит и согласится ответить на некоторые вопросы... Впрочем, — Денис хитро сморщил нос, — главное — найти, а уж ответить-то мы его как-нибудь уговорим. Он ведь, по существу, основной свидетель обвинения, разве не так?

— Именно. Единственный, кто видел Репина входящим в дом, где проживала Осинцева. Он сообщил, что подозреваемый бывал у этой дамы не раз. Из его же показаний следует, что сам он, этот Валерий Владимирович, оказывал неоднократно всяческие мелкие любезности Инне Александровне, — конкретно не расшифровано. Но можно представить.

— Ты, дружище, не совсем тут прав, — возразил Денис. — Представить, что за услуги — или любезности — мог оказывать господин Ознобихин, можно лишь после того, как мы увидим его своими глазами. Ну а вдруг это какой-нибудь старик-пенсионер? Или хореk-недоучка? Это что, фасон для невесты, как выражаются в Одессе?

— Ладно, не спорю, — засмеялся Гордеев. — Но этот же Ознобихин по безымянной визитной карточке казино «Карусель» опознал в Репине того человека, который появлялся у Осинцевой. Что-то тут, мне представляется, больно сложно все у них. Отметь себе особо. И вот еще факт, как бы упущенный во время судебного заседания. Или же за ненадобностью сознательно оставленный без внимания. Дело в том, что Ознобихина допрашивали несколько раз. В первых своих показаниях он утверждал, что посетителей в день убийства Осинцевой было двое. Но если одного он успел разглядеть, то второго — нет. Записано с его слов: оба были высокие и крупные. Одеты почти одинаково, как будто они служат охранниками. А вторично он дает показания, когда им уже опознан Репин. Тут появляется новый текст. Четко видел только одного, а что касается второго, то вполне мог и ошибиться. Суть в том, что видел-то он из своей застекленной будки уже уходящего наверх, к лифтовой площадке, одного человека, то есть Репина. Что же касается второго, то в данном случае он мог просто подумать, что их

было двое. Принял, понимаешь ли, тень на стене за силуэт второго человека. Потому, мол, в первый раз и заявил, что посетители были похожи. Вопрос попутно: если видел только со спины, причем уходящего наверх, человека, то каким же образом смог чуть ли не неделю спустя опознать его в лицо? И вообще, тут хорошо бы...

— Провести следственный эксперимент, — понял Юрия с полуслова Денис. — На тени воображаемые посмотреть, на то, другое. И вообще, заново произвести опознание. И по всем правилам. А то ведь наверняка, коли на то пошло, сунули ему в морду фотик и сказали: запомни, это он и есть. Ох, Юрочка, хреноватенькая это работенка — колоть сукиного сына. А где его допрашивали?

— Молодец, — ответил Гордеев, — ну прямо в самый корень заглянул. Уже утром, когда умирающую женщину увезли в Склиф и появился следователь с оперативниками, чтобы разобраться в происшествии, первое же подозрение пало именно на Ознобихина. Он и ходил к ней, и хорошо знал ее, и пятое, и десятое. И наши голубчики, недолго думая, повязали молодца и кинули в СИЗО на Петровку. Где и проводили всю дальнейшую работу. Вплоть до, прошу заметить, задержания Репина, после чего отпустили, но как основного свидетеля обвинения. Под подписку. Чтоб не рыпался. И вот уже после этого и появилось второе его признание, что на лестнице был один человек. В общем, ребята, надо его искать.

— Да это понятное дело. Переходим к тeneвым действующим лица. Пospelовский — он как?

— Его подозревать в чем-то довольно трудно. Немногие факты, которыми я на сегодня обладаю, говорят скорее в его пользу. Но пошарить вокруг тем не менее, наверное, придется. Особенно хорошо бы залезть во времена его активной деятельности на посту директора Департамента по инвестиционной политике в ее основном, строительном бизнесе. Мне тут днями такой художественный образ нарисовали — это чтоб было понятней. Пирамида. В трех углах основания — власть, умение и удача, а на вершине — огромные возможности и деньги. Ну переведем так: возможности — это та же власть, может быть, но в более крупном масштабе... А что он какое-то время играл первую скрипку, полагаю, несомненно.

— Покопаем, посмотрим, — согласился Денис. — Дальше?

— А дальше еще более любопытные личности: папаша и сын Носовы. Отец — гендиректор строительного концерна «Феникс». Иногда его сравнивают с бульдозером. Видимо, отсюда и характер, и прочие деловые качества. Сын его — Григорий. Прошу также обратить особое внимание. Служил в спецназе ВДВ, затем возглавил службу охраны в «Фениксе», а заодно и в «Московии». Это архитектурно-планировочная фирма, хозяйкой которой является Юлия Федина-Пospelовская. И до развода, и теперь, как я понял. Мадам, просто повторяю, спала с обоими, чему имеются свидетельства.

— Ну этих-то скорее надо проверять по дядькиной картотеке, — усмехнулся Денис, намекая на материалы, имеющиеся в МУРе как на организованные преступные группировки, так и на отдельных криминальных фигурантов — и законников, и авторитетов.

— Что касается Гриши, почти уверен — не исключено. Слишком... такая фигура. Кстати, Лидия ведь не знает, где нынче обретается ненавистный отец ее двухлетнего сына. Сказала, что он просто исчез почти сразу после того, как осудили Андрея. Практически два года назад. Тоже имейте в виду.

— Ну и, наконец, Андрей, — как бы подвел черту Денис. — О нем, кроме того, что в деле, больше ничего?

— Учился в физтехе. Может быть, коллеги, которые его еще помнят, подскажут что-нибудь? Хотя вряд ли. Но попробуйте. А я поеду в Потьму и постараюсь выжать из него максимально возможное... Да, еще один персонаж — некая Полина Ивановна, уборщица у Осинцевой или ее экономка — один черт. Она может также что-то знать. А вот о муже Инны, Борисе Осинцеве, ничего определенного сказать не могу. Не знаком, не видел, ничего не знаю, даже

его отчества. Не думаю, будто у него что-нибудь имеется, хотя... В квартиру-то свою он все-таки вернулся. Попробуйте. И вот главный акт нашего соглашения. У меня на работе в сейфе лежат восемь тысяч баксов. Аванец, и он ваш. При окончательном расчете подобьем бабки, потребуем еще — вопросов нет. Ты меня знаешь, Дениска, когда могу, не жадничаю.

— Договорились... А теперь давай-ка насчет этого твоего сегодняшнего абонента. Трубу ты свою оставь у нас, поставим на контроль и по возможности попытаемся разобраться, а взамен возьмешь другую, незасвеченную. Это для наших контактов. Так объясни мне, что думаешь сам по этому поводу? Это угроза или просто разведка? Ну, другими словами, проверка на вшивость. Может быть? Скажем, тот же добрый папашка, который вдруг решил проверить, не фуфукнули ли у него денежки? Может, все это обыкновенное фуфло?

— Денис, я, конечно, отдаю должное твоим филологическим талантам, но, пожалуйста, если можно, по-человечески. В каком смысле — фуфло?

— Буквально на фене фуфло — это задница. Но можно трактовать и как обман, ложь. Если тебя, скажем, приложили фуфлом об дорогу, то понимать можно и так, что наврали с три короба. И кто-то тебя держит за обыкновенного фраера. Это хоть понятно?

— Он мне, между прочим, так и сказал: не будь фраером, бери бабки.

— А ты благородно отказался, чем еще больше убедил его, что самый настоящий фраер и есть. С тобой все понятно, — продолжал улыбаться Денис. — Тогда еще немного подождем, твой абонент обязательно попробует выйти на тебя еще разок — по служебному ли, по домашнему, неважно. А ты не будь резким и непримиримым: базар — он и есть базар, толковище, другими словами. Можешь соглашаться, можешь — нет, но хамить совсем не обязательно. Они ж тоже хотят иногда казаться приличными людьми. Не всегда образование позволяет это верно. А в принципе, скажу тебе, пока ты будешь ездить, не шибко торопись — дай и нам время кое в чем разобраться. И начнем мы, думаю, с брата Гриши. Мне почему-то представляется, что если жизнедеятельность Носова-старшего потребует вдумчивого экономического анализа некоторых спецслужб, то сынок Гриша — он же весь на поверхности. Просто надо обозначить ареал его обитания. Ну и конечно же важными будут показания Андрея. Если он захочет тебе их дать.

— После нашего последнего разговора, точнее, исповеди Лидочки, мне кажется, что она пожелает послать ему со мной письмо, в котором постарается многое объяснить.

— Будем надеяться, Юра...

3

После ухода Гордеева Денис собрал команду — тех, кто был свободен от срочной работы, и представил свои пока общие соображения. Несмотря на кажущуюся простоту расследования, которое «Глория» должна была провести, график, по его мнению, получался ощутимо плотным.

На поездку в Вологду и обратно, раскрутку Андрея Репина, Юрий Петрович положил себе неделю. Вот за это время и хотел Денис получить хотя бы первые результаты.

Итак, объектами наблюдения и оперативной разработки должны были стать следующие лица.

Первой в списке шла Юлия Марковна Федина-Поспеловская. Дама достаточно богатая, капризная и не обладающая, мягко говоря, высокими, а главным образом, твердыми моральными принципами. То есть годная для разработки внаглую, с определенной долей давления на нее. Шантаж там и прочее.

Такую работенку, может, и не самую красивую, зато, как правило, достаточно результативную, Денис поручил Филиппу Агееву. Внешность этого бывшего офицера спецназа ГРУ абсолютно не соответствовала расхожим представлениям о том, как вообще выглядят сотруд-

ники подобных суперэлитных подразделений. Он мог походить — по желанию — и на богатенького юнца, и на бомжа, и на скромного работягу, и даже на хитрого сексота — стукача и порядочную падлу. Его врожденных актерских способностей хватало на все с избытком. Словом, задача — обаять, прижать к ногтю и полностью расколоть спесивую даму — была не из самых трудных в его богатой уже практике.

Получив, так сказать, вводные, Филя немедленно начал думать, каким образом ему удобнее всего свести самое тесное знакомство с мадам Пospelовской, не привлекая к операции дополнительные силы. И придумал. Уже к концу общего заседания он изложил первоначальные свои соображения, которые были встречены хоть и без особого восторга, но с пониманием: да, на такое Филя способен.

Следующим, не менее важным фигурантом в общей разработке должен был стать бывший муж покойной Осинцевой — Борис Аркадьевич, обувной магнат, как его стали называть в последние годы. Человек с репутацией явного прожигателя жизни, сластолюбца и скандалиста, но в то же время — энергичный и жесткий бизнесмен, успевший за сравнительно короткое время подмять под себя как минимум треть обувных супермаркетов столицы.

Тут, разумеется, агеевскими методами ничего не добьешься, да и охрана у Бориса соответствующим образом вышколена. Значит, на него мог произвести впечатление или вызвать соответствующую его характеру реакцию лишь человек, близкий ему по духу. Таковым мог оказаться Алексей Петрович Кротов, чьи личные контакты и в мире бизнеса, и среди уголовников, и вообще повсюду, куда ни ткни пальцем, были хорошо известны его товарищам по работе. Но всякий раз, когда возникала нужда, словно из небытия, возникали новые и новые связи. И конца им не было. А солидная внешность и умение вести умный разговор на любом уровне снискали ему, и не только в новорусских кругах, известность удачливого и весьма успешного бизнесмена, занимающегося возведением элитных коттеджных поселков. На самом-то деле этим видом бизнеса занималась, и достаточно успешно, его супруга, а Кротов, когда это ему требовалось, выступал в роли как бы теневого хозяина фирмы, официально принадлежавшей жене. Кагэбэшное и эмвэдэшное прошлое Алексея Петровича, руководившего в свое время не одной тайной операцией главным образом в криминальных кругах, позволяли ему действовать даже в рискованных ситуациях решительно и оперативно, не без оснований рассчитывая на свои, иной раз просто исключительные возможности. Не использовать которые, кстати говоря, было бы просто грех.

Короче, Осинцева Денис целиком поручал Алексею Петровичу, с улыбкой заметив, что олигархам — он Кротова также причислял к данной категории хозяев жизни — разговаривать друг с другом гораздо проще иных смертных.

Компьютерному бродяге Макс, для которого влезть без спросу в чужие секретные файлы было не служебной обязанностью, а истинным удовольствием, даже наслаждением, поручалось откопать все, что касалось жизни и деятельности концерна «Феникс» и архитектурно-планировочной фирмы «Московия». Причем слово «все» было произнесено в своем первоначальном значении, включавшем и основное, и обязательно лишнее. При этом Денис напомнил Макс, изречение широко известного еще в недавнем советском прошлом поэта Михаила Светлова, который утверждал, что способен в принципе иной раз обойтись без необходимого, но категорически не может — без лишнего. Макс, распушив пятерней свою вечно нечесанную бородищу, подтвердил свое согласие важным кивком и добавил, что мысль, между прочим, тянет на гениальность. Для бродяги Макса, изначально лишнего вообще какого-либо почтения к любым авторитетам, это было явлением исключительным.

А вообще-то, добавил Макс не без кокетства, ему особенно по душе то, что выходит за рамки законности. Это он себе таким образом цену набивал, хотя всем и без того были хорошо известны его почти уникальные хакерские способности. Кофе и «комп» — больше ничего ему в жизни не требовалось.

Посмеялись, поострили, передали в его личное распоряжение новую кофеварку и килограммовый пакет свежемолотого кофе и вернулись к общему делу.

А Макс, забрав дары, немедленно удалился в свою закрытую для посторонних комнату, где были размещены полдюжины мощных компьютеров. Там он поместил свое толстое тело в кресло на колесиках и победным взглядом полководца оглядел личное «войско». Все остальное его теперь больше не интересовало...

Николаю Самохину досталось отыскать и допросить экономку Осинцевой — Полину Ивановну и охранника Ознобихина, дававшего показания против Андрея Репина. И в последнем случае сделать упор на причине изменений его показаний. То есть расколоть мужика до самого доньшка и с помощью Севы Голованова или Володи Демидова устроить ему следственный эксперимент.

Этим двоим последним, как людям крупным, рослым и очень заметным, отводилась пока вспомогательная роль. Ну, к примеру, если вдруг появится нужда «попужать» одного из Носовых либо обоих сразу, то тут они вполне могут вступить в общую игру. А пока им не стоит светиться. И потом, еще неизвестно, уложится ли в оговоренные параметры расследование.

Ну а Пospelовского и его дочь Денис предложил пока не трогать, оставив обоих на попечение Гордеева: тот с ними знаком и новые его контакты не окажутся категорически нежелательными — в конце концов, расследование вызвано их собственной инициативой. Вот и пусть не забывают об этом.

Вот тут и настала очередь Фили Агеева предложить для обсуждения свой план. Но для его успешного исполнения ему необходимо было: во-первых, несанкционированно проникнуть в дом Юлии Марковны и, во-вторых, немедленно, не ожидая удобного случая, свести с ней самое тесное насколько это возможно, знакомство.

Народ повеселел. Филины фокусы были известны всем, так же как и поразительное нахальство, к примеру, того же Макса.

Но когда Филипп стал объяснять, зачем это ему нужно, улыбки как-то сразу растаяли: добытые таким образом доказательства вряд ли можно было бы назвать законными. Не говоря уже об элементарной морали.

Как ни покажется странным, противником всяческой аморальности выступал Алексей Петрович Кротов, в чьей, так сказать, биографии никакой моралью, строго говоря, вообще не должно было бы пахнуть. Ему стал возражать Коля Самохин, Самоха, как его обычно звали свои. Он не только поддержал идею друга Фили, но и согласен был принять в ее осуществлении любое посильное участие. Что, естественно, тоже немедленно вызвало жизнерадостный, почти жеребячий смех.

— Ребята, — с укоризной заметил Денис, — что-то вы непонятно озабоченные. Может, вам в отпуск пора, на курорты? По девочкам?

Однако же и предложение Филиппа, и попутные советы Самохи были приняты. Народ пришел к выводу, что Юлия Марковна Пospelовская может в самом деле оказаться тем центральным звеном, хорошенько ухватившись за которое им придется тащить из неизвестности всю цепь — и событий, и преступлений. А с ее помощью сделать это будет гораздо проще. Значит, к черту мораль?

Молчавший до этого Всеволод Голованов неожиданным своим предложением упростил дело. Но тут — уже с точки зрения тактики — ему начал возражать Алексей Петрович, упоравший на то, что акция сильно напоминает расхожие кинотрюки и мало кто в них способен нынче всерьез поверить. Можно таким вот образом, вовсе того не желая, загубить в конечном счете приемлемую идею Агеева на корню. И уже потом к женщине никаких подходов не будет, за исключением грубо-криминальных. А здесь он категорический противник.

Сева же продолжал отстаивать свое предложение, веря в актерские способности Филиппа и его поразительную находчивость, свидетелем чего он был и в Афгане, и во время первых

чеченских событий, ибо сам же и командовал группой разведки спецназа ГРУ Министерства обороны.

Кротов не стал спорить дальше, махнул рукой и сказал, что свою задачу усвоил, а как они станут решать свои — это, в общем, их личное дело, был бы нужный результат.

Вот на такой ноте и закончилось совещание.

— Командные игры, — выходя, заметил Голованов.

— Нет, большой хурал, — уточнил Филя.

4

— Только уж вы, мужики, — сказал Агеев Голованову с Демидовым, которые также отправлялись сегодня на ответственную операцию, — постарайтесь работать точно. Прикиньте свой и мой вес.

— Не бойсь, Филя, — с многообещающей ухмылкой ответил ему Володя Демидов, ласково поглаживая свой пудовый кулачище, — сиротой не оставим.

А Голованов многозначительно хмыкнул:

— Сам ведь предложил...

Печально посмотрел Филя на друзей и пошел в гардеробную — переодеваться. Спектакль должен быть абсолютно реальным: и джентльмен в «БМВ», и случайное знакомство, и наезд братвы, и попытка похищения, и... и все остальное, что может додумать себе оглушенный овацией зритель, когда занавес уже упал.

Осталась самая малость: выяснить, где и чем сегодня будет заниматься Юлия Марковна, как умело поломать ее планы, направив ее желание и неожиданно открывшиеся возможности в нужное русло. Но это уже дело техники, считал Филя и был по-своему прав.

И все же, выходя из «Глории» в элегантном смокинге, моднейших туфлях от Версаче и дорогом кашемировом пальто нараспашку, распространяя вокруг себя аромат совершенно фантастического парфюма, Филя не мог удержаться и сказал дежурившему в приемной «Глории» Игорю Измайлову:

— Смертельный номер: иду на перехват. Если что случится, считайте коммунистом. Ну а нет, — вздохнул тяжело, — значит, нет... Отметь себе: «Глория» начинает игру...

В новеньком «седьмом» «БМВ» у служебного хода во внутреннем дворе его уже ожидал «телевизионный мастер» Самоха — при необходимых документах, инструментах и прочих прибабусах, положенных человеку его профессии. Филя должен был забросить Николая в высотный дом на Котельнической набережной, где на двенадцатом этаже в большой, даже по нынешним меркам, квартире проживала экс-супруга господина Поспеловского. Закончив там всю необходимую предварительную подготовку, он мог приступить к выполнению уже конкретного своего задания, то есть отправляться на Тверскую и начинать поиск охранника в пятнадцатом доме и бывшей экономки покойной госпожи Осинцевой.

Пока Самоха вырливал из лабиринта улочек к Садовому кольцу, Агеев, достав мобильник, начал предварительную работу.

По его мнению, это Наполеону принадлежало выражение, что главное в полководческом деле — втянуть противника в сражение, а уже потом прикидывать, куда кривая вывезет. И был в принципе согласен с господином Бонапартом. Поэтому и объявил для себя начало боевых действий, экипировался соответственно и теперь пытался выяснять все, что касалось «кривой», которая должна была его «вывозить» в нужном направлении.

Первый звонок он сделал Лидии Поспеловской. Представился коллегой адвоката Гордеева, которому тот, собираясь сейчас в вологодскую колонию, поручил разобраться здесь с некоторыми проблемами. Вот и возникла необходимость встретиться с мадам Юлией Поспеловской, но так, чтобы она поначалу не догадывалась о причинах встречи. Словом, ему в дан-

ный момент требуется знать все про нее: адрес работы и телефон, где она находится, в каких местах проводит вечера и, наконец, где с ней можно пересечься.

— А разве Юрий Петрович уже уехал? И мне не сообщил? — удивилась Лидия.

— Он обязательно позвонит вам перед отъездом. Или вы сами свяжитесь с ним. Но учтите, что мобильная связь у него временно отключена.

— А вы Райского знаете? — спросила, видно, на всякий случай, для проверки — не провокация ли.

— Вадима? Естественно, Юркин приятель. А на что он вам?

— Так... — ничего путного не смогла ответить Лидия.

— Ну и что насчет Юлии Марковны?

Лидия больше не смогла противостоять напористому тону Агеева и немедленно выложила ему все, что знала.

Фирма «Московия» находится в известном всем москвичам огромном здании «Гидро-проекта», что на стрелке Ленинградского и Волоколамского шоссе. Арендует там практически целый этаж. Филя записал служебные и домашний телефоны. Потом закинул удочку, а не могла бы она сама созвониться с бывшей мачехой и выяснить, какие у той планы на вечер? Было бы неплохо, если бы они вдвоем, просто так, без напряжения и всяких задних мыслей сходили бы куда-нибудь поразвлечься, посидеть, поболтать. Можно даже и о том, что она, Лидия, решилась вот наконец-то помочь Андрею. И теперь хочется посоветоваться, все же близкие были еще недавно люди. Вот и повод. А он бы, Филипп, можно просто Филя, хохотнул он, нашел бы их там, где она скажет, подошел, и Лида бы его представила, — и все дела. Можно считать, свободна. Это если у нее туговато со временем. А уж он бы дальше сам повел дело. Как она его узнает? А очень просто: когда она договорится, он с удовольствием подъедет куда она скажет и отвезет куда надо. А позже просто подойдет как бы случайно.

Затевалась какая-то игра, Лида это поняла. И почему бы в ней не поучаствовать? Тем более что к бывшей мачехе она, по прошествии уже достаточного количества времени, никакой ни ревности, ни злости не испытывала. А поболтать... в самом деле, почему бы и нет? Если это пойдет на пользу...

Она записала номер мобильного телефона Филиппа Кузьмича — так уже окончательно изысканно представился Филя — и обещала тут же перезвонить.

Позвонила она не «тут же», а тогда, когда «БМВ» подъехал к Котельникам и Николай собрался выходить. Филя задержал его: надо же узнать результаты, а вдруг все сорвалось? Хотя домашний телефон Юлии молчал, что означало — хозяйки нет дома.

— Филипп Кузьмич? — с легкой, как показалось, иронией спросила Лидия.

— Разумеется.

— Ну мы договорились. Через час с небольшим. Она вообще-то сказала, что чувствует себя неважно, в смысле носом шмыгает. Но когда я намекнула насчет Андрея, немедленно согласилась. Не знаете — почему?

— Догадываюсь, но объяснить постараюсь при личной встрече. И так?

— Она сама предложила бар и казино «Пекина». А это буквально напротив моей работы. Так что подвозить меня нет нужды. А что вы скажете, если мы пригласим заодно уж и Юрия Петровича?

— А вот этого делать я бы вам не советовал. Вашей бывшей родственнице лучше пока не знать о его конкретных действиях. В данном случае дозировать нужную информацию буду я сам. А вы просто не в курсе.

— Но тогда зачем же?..

— И это я вам объясню с преогромным удовольствием. Значит, выезжаю к вам. А вы где-нибудь через полчаса выходите на улицу. Я на седьмой модели «БМВ», темно-синяя. Что на вас надето?

— А вы место хоть знаете?

— Юра говорил, это на Триумфальной, угол Второй Брестской, да?

— Примерно, но не совсем...

— Минутку. Тогда вы просто выходите к центральным дверям Дома Хонжонкова и садитесь в указанный мной «БМВ», номер ноль тридцать два, записывайте. И все. Мы успеем побеседовать, а потом развернемся и подкатим к стоянке у «Пекина». Где на время и расстанемся. Идет?

— Устраивает. Только не опаздывайте, терпеть не могу ждать. Да еще на улице.

— Что, пристают? — усмехнулся Филя.

— Всяко бывает... — многозначительно ответила Лидия.

— Отобьемся, — уверенно заявил Филя. — Не берите в голову. — И, отключившись, сказал Самохину: — Можешь теперь не торопиться, время у нас с тобой есть...

Самоха нахально улыбнулся, щелкнул замком своего чемоданчика, достал из него шоколадку и протянул Филе.

— На, слопай на всякий случай. Вдруг силенок не хватит? А тебе их, так подсказывает моя интуиция, нынче может понадобится очень много.

Более наглой выходки Филя, разумеется, не мог бы себе и представить! Но что отвечать, если он и сам пока не знал, куда приведет его сегодняшняя авантюра?..

Тем не менее он набрал номер мобильного Севы Голованова и печальным голосом объявил об официальном начале операции под кодовым названием «Полный охмуреж».

Глава четвертая «ГЛОРИЯ» НАЧИНАЕТ ИГРУ

1

Девушка оказалась очень даже понятливой. Заглянув на всякий случай в удостоверение Фили, она закивала:

— Значит, вы, Филипп Кузьмич, из той «Глории», о которой мне рассказывал Юрий Петрович? Тогда все ясно. А вы сами виноваты, надо было сразу и сказать.

— Вы, возможно, и правы, но не будем терять время. Меня можете представить своей мачехе в качестве помощника Юрия Петровича. У адвокатов его уровня бывают помощники. Вот я один из них. Ваша задача — познакомить меня с Юлией Марковной, изобразить что-нибудь этакое — с большим апломбом, а затем можете оставить нас вдвоем. Вероятно, она и сама захочет более подробно узнать о наших планах.

— То есть я должна понимать так, что мне вы отводите роль подсадной утки?

— Юра говорил, что вы умница и все чувствуете очень верно. А это нам с ним нужно для того, чтобы выяснить причину их, я имею в виду ее и Носова-старшего, интереса к этому делу. Вот и вы недавно сказали мне, что едва Юлия Марковна услышала об Андрее, как тут же бросила все свои дела и заботы о здоровье, разве не так?

— Все правильно, именно так. А вы думаете, что они захотят нам помешать?

— Заметьте, вы об этом сказали первая! — Филя широко улыбнулся и добавил уже серьезно: — Чтобы в дальнейшем действовать без ошибок и накладок, необходимо знать все, что думают в настоящий момент люди, подготовившие или совершившие убийство Инны Александровны Осинцевой.

— Да вы что? — Лидия с недоверием посмотрела на Филю. — Вы всерьез намерены считать соучастниками убийства Юлю и Илью Андреевича? Господи, какая непроходимая глупость!

— Приятно слышать, что вы не утратили еще веры в человека. Возможно, это делает вам честь, а возможно...

— Вы считаете, во-вторых, что я дура, да?

— Пока у нас нет на руках твердых фактов, утверждать со всей определенностью нельзя ничего. Даже если вам это в какой-то степени и обидно будет слышать. И вообще, я, как человек несомненно более опытный, нежели вы, не советую торопиться с выводами. Но вернемся к нашим баранам. Если пожелаете, примите еще один совет, этим вы мне здорово поможете. Ни на миг не забывайте, что наша с вами встреча там, в баре, произойдет случайно! Я подчеркиваю это обстоятельство. Женщины обычно очень наблюдательны, не мне вам рассказывать, а в данном случае Юлия Марковна будет осторожна и насторожена вдвойне. Поэтому все должно выглядеть максимально естественно. Вам под силу такая игра?

— А что здесь может быть трудного? — едва не фыркнула от столь наивного вопроса Лидия. — Тоже мне уравнение!

— Вот-вот, — кивнул Филя, — самонадеянность губила и куда более опытных людей. Милая девочка, не торопитесь быть умнее своего неприятеля! А победу, если даст бог, мы сумеем как-нибудь отпраздновать. Только никуда не спешите. Говорю вам по секрету, перед тем как заняться юриспруденцией, я прошел две войны — афганскую и первую чеченскую. Не скажу, чтобы очень успешно, но выиграл в главном — остался живым. Это в разведке-то,

представляете? И я знаю, о чем надо заранее предупредить вас. Поэтому вот вам еще задачка, опять-таки если вы не прочь оказать мне серьезную помощь.

— Я уже сказала, — без особого пафоса заметила Лидия, и было заметно, что слова Фили подействовали на нее.

— Вы человек ревнивый?

— Как вам сказать?... Не уверена. Хотя...

— Лично меня бы устроил вариант «хотя». Если вам будет нетрудно, киньте на меня, стараясь это скрыть от Юлии Марковны, пару не сердитых, нет, просто недовольных взглядов. Можете быть уверены, вашу реакцию — а я уж постараюсь! — Юлия Марковна оценит. А позже попробуйте разыграть маленькую сценку ревности. Вот уже после этого и можете гордо удалиться, а остальное предоставить мне.

— Ага, значит... — прямо-таки вскинулась Лидия, — я вам устрою свидание? А вы меня потом... отставите в сторону и отправитесь с ней?..

— Абсолютно верно! Вы действительно умница, Юра прав. Он гораздо лучше всех нас разбирается в женщинах, которые, если честно, всегда были для меня тайной за семью печатями.

— Ишь как вы все рассуждаете! Значит, мне вы отводите роль...

— Умного и молчаливого свидетеля. Большого от вас требовать нельзя. Это может быть просто опасно. Так что, вы готовы сыграть роль ревливой и рассерженной, взбалмошной девицы? Или не стоит и братья?

— А вы мне потом расскажете, чем у вас закончится?

— Не уверен. Скорее всего, нет. Да вам и не нужно этого знать. Мы же на вас работаем. Точнее, на результат. А всякое расследование иной раз бывает связано с поступками на грани фола, это вам и Юра говорил. Разве не так?

— Так... — неохотно ответила Лидия. — Ну ладно, будем считать, что уговорили.

— Смотрите, если боитесь, не надо. Мы сумеем разыграть и какую-нибудь другую комбинацию. Просто много времени может уйти зря. — Фили вздохнул и стал отрешенно глядеть в сторону.

— Уговорили, — уже твердо сказала Лидия. — Поехали к «Пекину». Или нет, лучше я тут выйду, а вы подъедете туда сами. Если все так, как вы говорите, они же могут наблюдать за нами, верно?

— Верней не бывает, — улыбнулся Фили. — А потому давайте все-таки проедем туда, но не к ресторану, а подальше, и я вас высажу, потом сделаю круг и вернусь. Разыграйте искреннее удивление. Со мной вы познакомились в офисе у Гордеева. Усвоили?

— Так точно, командир... А у вас-то какой повод?

— Я найду. Поехали...

2

Агеев лишь на миг притормозил, чтобы Лидия успела выпорхнуть из машины, и тут же умчался дальше, на разворот. Теперь он не торопился: женщинам надо было дать время найти друг друга, обменяться положенными в подобных случаях тонкими колкостями, надуться, помириться и проследовать в бар. И вот только после одного-двух бокалов коктейля, когда у них спадет первое напряжение, можно и подрулить. Но... с их собственной подачи. Фили уже продумал свою тактику и не нашел в ней видимых дефектов...

В баре дамы заняли столик у стены под стилизованным китайским светильником. Наклонив друг к другу головы, они будто о чем-то шушукались. Но скорее всего, так им было удобнее разговаривать, поскольку в баре стоял ровный гул — не сильный, но заставлявший невольно напрячься.

Филя устроился за стойкой — так, чтобы видеть обеих и сверлить их страстным, пронзительным взглядом. Никакая дама не в силах не почувствовать на себе такого давления. И точно, не прошло и нескольких минут настойчивого гипнотизирования, как первой заерзала на стуле Юлия Марковна. Филя успел уже оценить в общих чертах ее, так сказать, экстерьер.

Лет ей за сорок, хорошо сложена, тело сытое, ухоженное, невысокая, но модные каблукки поднимают ее выше среднего роста. Полные и капризные губы в постоянном движении, глаза темные, взгляд острый, внимательный. Она уже дважды скользнула по Филе — случайно, мельком, но он успел заметить ее заинтересованность.

А что? Безупречный смокинг сидел как собственная кожа, подчеркивая то, что Филя на работе обычно старался скрывать, — его хорошо развитую мускулатуру спины и предплечий. То есть именно то, что обычно вводило в заблуждение всех без исключения потенциальных противников. Ну какая, скажите, может исходить опасность от достаточно щедущего даже сублимного с виду человечка средних лет — обычного, рядового работяги, потягивающего дешевое пиво и перебивающегося «Примой» без фильтра? Вот в этом-то и заключалась их ошибка! В чем скоро убеждалась наглость любого уровня. Но сейчас Агееву скрывать свои «возможности» смысла никакого не было, наоборот! Мадам должна была с ходу оценить некоторые преимущества незнакомого, но явно клещащего ее крутого мужичка: Филя демонстративно потягивал не коктейль через трубочку-соломинку, а макал кончик языка в дорогуший — будь он трижды проклят! — «Хеннесси»! Гулять так гулять, любить так любить, стрелять так стрелять — по выражению Александра Розенбаума...

Наконец на каком-то этапе долгого разговора мадам не выдержала и, наклонившись к Лидии больше, чем, возможно, была необходимость, что-то сказала, имея в виду определенно Филю, уже нахально не сводившего с нее страстного взгляда.

Лидия удивленно обернулась и...

Филипп кинулся ей на помощь и изобразил на лице такую смесь изумления, восторга и отчасти разочарования, что не позвать его к себе было бы просто преступлением. И Лидии ничего не оставалось, как приглашающе поманить его рукой, а сама быстро заговорила с Юлией — ну конечно же о нем.

Филя не стал торопиться, пусть выговорится. Она ведь должна объяснить даме, кто он такой. Забрав свой бокал, он небрежно прихватил от соседнего столика свободный стул и, поставив чуть ближе к Юлии, нежели к Лидии, элегантно подсел к ним. Поставил бокал, рядом — пухлую свою барсетку: мини-магнитофон был включен и работал.

— Вы меня должны простить, Лидия Валентиновна, — с некоторым напряжением в голосе начал он. — Никак не ожидал здесь вас увидеть... — Его оправдания имели конечным адресом совсем не Лидию, а исключительно Юлию Марковну, которая и должна была немедленно это понять и почувствовать. — После нашего разговора я был уверен... — Он не договаривал, потому что Лидия перебила его.

— А где же Юрий Петрович? — спросила с подозрением.

— Шеф укладывает чемодан, — сострил он, — ему теперь не до меня. Ну вы же знаете? Извините, мне как-то не очень ловко... Я, похоже, прервал вашу беседу? Филипп Кузьмич. — Он чуть привстал, как бы желая и в то же время опасаясь первым протянуть руку Юлии Марковне. — Вы не представите мне вашу... приятельницу, Лидия Валентиновна?

— Юлия Марковна, — с недовольным видом произнесла Лидия и отхлебнула из стакана, вынув из него соломку.

Филя сделал самые изумленные из всех возможных вариантов глаза и воззрился на мадам Поспеловскую, всей своей откровенной сущностью выражая лишь одну-единственную, совершенно понятную любому постороннему мысль: так вот вы какая?!

Девушка попроще от такого взгляда наверняка сомлела бы и тут же, прямо под псевдоки-тайским фонарем, отдалась бы восхищенному мужчине, наплевав на все условности.

Вероятно, Юлия Марковна испытала нечто похожее, потому что прерывисто вздохнула, без необходимости задвигала руками по поверхности стола, словно пытаясь привести себя в норму. При этом она поморщилась и ладонью потерла шею у основания головы.

— Вам нехорошо? — немедленно откликнулся Филя.

— Что-то с утра побаливает, — пожаловалась она, кривя губы. — Уж я таблеток наглоталась, а все равно...

— Какая чушь — жевать таблетки! — с чувством посетовал Филя. — А где конкретно болит?

— Вот здесь. — Она тронула затылок.

— Я не... не сделаю вам неприятно, если предложу свои услуги?

— В каком смысле? — Юлия кинула на него острый и настороженный взгляд.

— Ну... если вам неудобно, конечно, не надо... Но я мог бы без особого, полагаю, труда снять вашу боль.

— Каким же образом?

— Да что объяснять! Давайте сделаю. Только, ради бога, успокойтесь и... сидите как сидите. Сейчас.

Филя небрежно вытащил из верхнего кармашка белоснежный платочек, вытер им концы пальцев, затем поднялся и стал за спиной у Юлии Марковны.

Положил ей пальцы на темя, произвел несколько замысловатых пассов над ее головой, при этом едва заметно подмигнув изумленно уставившейся на него Лидии, резко сбросил с ладоней в стороны «дурную энергию» и продолжил свое шаманство. Самым любопытным для Лидии оказалось то, что действия Фили оказывали-таки влияние. Она внимательно теперь наблюдала за этой игрой и видела, что упражнения Агеева в самом деле помогают Юле. Лицо у той стало как бы разглаживаться: исчезали морщинки на лбу — от постоянного напряжения, она будто расслабилась, даже глаза прикрыла.

Снова «скинув» болезненную ауру с пальцев, Филя совершил последний замысловатый пасс над головой Юлии и спокойно вернулся на свой стул, отхлебнув глоток коньяка из бокала.

— Ну? — улыбнулся он.

— Чудо... — искренне произнесла Юлия Марковна, открывая глаза. — Слушайте, да ведь вы истинный кудесник? Господи, ну совсем же не болит! Если б кто сказал — не поверила бы? Что вы со мной сделали?

Интересный вопрос, не лживый во всяком случае.

— Снял лишнее напряжение. В Афгане, двенадцать лет назад, мы таким вот образом помогали друг другу. Перед выходом на ответственное задание. Помогало. Ну лучше?

— Нет слов? — просто расцвела Юлия Марковна.

— Вообще-то, — как бы походя заметил Филя, — после сеанса такой терапии следует немного полежать. Совсем немного. Чтобы полностью расслабиться. Тогда эффект еще больший. Но к вам, я думаю, боль теперь вернется не скоро. Вы успеете заснуть к тому времени... Извините еще раз, Лидия Валентиновна, а ведь вы мне нынче попались весьма кстати. Шеф-то убудет в дальние края, а для меня он расписал программу на неделю вперед. И ваша помощь, а также консультация по ряду вопросов будет чрезвычайно необходима. — Тон у Фили был деловой и серьезный, в этом никто бы не усомнился. А уж Юлия Марковна — тем более. — Я мог бы уже завтра, скажем во второй половине дня, рассчитывать на вас?

— Но я, между прочим, работаю, — сухо и будто даже как-то обиженно отрезала Лидия. — Вашему шефу это отлично известно. К тому же я рассказала вам уже вполне достаточно для того, чтобы заниматься наконец делом, а не дальнейшими расспросами.

Хорошо у нее получалось, очень убедительно.

— Я не имею права настаивать, — с легкой издевательской интонацией парировал Филя. — Но просто хотел бы напомнить, что шеф станет добиваться пересмотра дела не по собственной, а именно по вашей инициативе. Если вы считаете, что предприняли все необходимые действия с вашей стороны, не смею возражать.

Филя небрежным жестом опрокинул в рот оставшийся в бокале коньяк, сунул в губы сигарету из пачки «Давыдофф», вынутой им из барсетки, чиркнул золотой зажигалкой «Зиппо», которую затем небрежно кинул на стол рядом с пачкой, и, сделав глубокую затяжку, произнес:

— Вопросы-то, в сущности, мелкие. Так, некоторые уточнения. Ну хорошо, когда шеф вернется, я ему доложу, а вы уж разбирайтесь с ним сами. Идет? — Он широко и приветливо улыбнулся и сделал попытку подняться.

— Уже уходите? — словно попыталась его остановить Юлия Марковна.

— Надо звоночек сделать, — улыбнулся он уже исключительно ей одной, чем вызвал сердитый взгляд Лидии. Филя помедлил, словно в раздумье, потом достал из барсетки мобильник и попытался оправдаться: — Я отойду в сторонку, чтобы не мешать вам, извините...

Провожаемый внимательными взглядами женщин, он вышел из бара. Никуда звонить Филя не собирался, просто требовалось дать возможность женщинам высказать друг другу все, что они имели на данный момент. Пяти минут им должно было хватить. И ровно через пять минут он вернулся в бар, заканчивая разговор по телефону и при этом многозначительно кивая невидимому собеседнику.

— Милые дамы, — снова с довольным видом улыбнулся он обеим женщинам, — я приношу вам свои извинения. Открылись некоторые обстоятельства, которые требуют моего непосредственного присутствия. Очень жаль, но вынужден покинуть вас. — При этом он кинул на Юлию такой страстный взгляд, что будь она вся из антарктического льда, и то должна была бы немедленно начать таять.

— Что-нибудь связанное с вашим шефом? — небрежно спросила Лидия.

— Нет, совсем нет, — легкомысленным тоном ответил он. Раскрыл барсетку и кинул туда сигареты с зажигалкой. Щелкнул замочком. И весь его вид при этом убеждал, что отходил он не даром. Наверняка ведь назначил какой-нибудь там женщине свидание. Иначе зачем же было так одеваться с шиком — явно на выход!

— Вы сейчас в какую сторону поедете? — Лидия попыталась установить с ним прежний контакт.

— Я? — Агеев откровенно продемонстрировал, что ее вопрос очень некстати. — А что, разве у вас проблемы, Лидия Валентиновна? Вы ведь живете в Староконюшенном, да? А это фактически рядом, напротив, десятков шагов в сторону Смоленки.

Очень он это ядовито произнес, даже оскорбительно.

— Так уж и рядом! — сердито пробурчала Лидия, демонстрируя, что у нее окончательно испортилось настроение.

— Нет, мне надо в другую сторону, извините, Лидия Валентиновна. В следующий раз — к вашим услугам! — Столь издевательский намек мог бы поразить даже стальные нервы.

Лидия вспыхнула и встала. Причем резко и даже зло.

— Тогда и вы меня извините, Филипп Кузьмич. Всего вам доброго. И тебе, — она с неприязнью взглянула на Юлию, — тоже пока.

И ушла.

Филя с юмором и недоумением посмотрел ей вслед, потом опустил глаза к сидящей Юлии Марковне, хмыкнул и пожал плечами.

— Совершенно вздорная девица, — сказал доверительным голосом. — И как это она сумела уговорить шефа принять, по-моему, абсолютно безнадежное дело? Диву даюсь. Как смогла обаять!

— Вы торопитесь, Филипп? — мягко сказала Юлия и положила пальцы на его ладонь, которой он опирался о столешницу. — Вам действительно надо срочно бежать?

— Честно? — Он открыто посмотрел ей в глаза и засмеялся.

— Ну а как же еще?

— А я по шее не получу, если скажу правду?

— Это от кого же? — удивилась Юлия.

— От вас, от кого же еще?

— Странно!.. Ну хорошо, я обещаю, что ваша шея останется в неприкосновенности. И что же дальше?

— Свидание чисто деловое, но я с удовольствием перенесу его на завтра. Если вы...

— Что — если я?

— Попросите меня об этом.

Взгляд Фили был чист, как хрустальная вода горного источника. Ему просто нельзя было не верить. Даже если к недоверию имелись бы все основания.

— Ну предположим, что я попросила. Предположим! Что бы вы на это сказали?

— Спросил бы: какие у вас планы? Это во-первых. А во-вторых, попробовал бы внести в них некоторые коррективы, которые вам могли бы наверняка понравиться. Но — опять-таки если! Итак?

— Планов никаких, — честно ответила Юлия. — Целый день болела голова, а вы оказались в прямом смысле слова волшебником. Теперь я чувствую себя прекрасно. А что вы можете предложить?

— По правде говоря, хочу жрать. Не есть, а именно жрать. Чтоб хороший кусок мяса, лучше с кровью. И не цедить этот керосин, — он небрежно оттолкнул от себя пустой бокал, — а что-нибудь ядреное! Наше, родное. Да в домашних условиях. И — расслабиться... Иногда бывает просто надо. Ко всему прочему, я не большой любитель ресторанной кухни. Чтоб есть вкусно, надо приготовить своими руками! Но это так, общие рассуждения, не обращайтесь внимания.

— Ну почему же? Я как раз полностью разделяю ваши... — она с готовностью улыbnулась, — вкусы и привязанности. И потом, вы так хищно изобразили, как будете рвать на части острое мясо, что у меня у самой в животе заурчало! — Она заливисто рассмеялась. Тряхнула роскошными черными кудрями, запрокинула голову, демонстрируя совершенную линию горла и подбородка. Игриво стрельнула глазами.

Филия неожиданно обратил внимание, что ее пальцы все еще лежат на его руке, и положил свою ладонь сверху, слегка сжав их. Не надо много усилий, чтобы женщина ощутила твердость его намерений. Проницательный долгий взгляд — глаза в глаза, легкое, слегка беспомощное движение губ, тяжкий выдох и... они поднялись одновременно.

Подавая ей на вешалке меховое манто, он чуточку прижал ее к себе. Понял, что она уже готова пребывать в этом состоянии сколько ему будет угодно. Поэтому шустро накинул, не запахивая, и свое кашемировое изделие, взятое из шкафа спецодежды в «Глории», и бережно держал женщину под локоток, вывел ее на улицу, прямо к сверкающему своему «БМВ».

На миг почудилось, что его уколол чей-то очень внимательный взгляд. Удержался, не стал озираясь. Но когда уже устроил Юлию на сиденье и захлопнул дверцу, обойдя машину со своей стороны, прежде чем сесть самому, кинул взгляд туда, где таилась опасность. И чуть не расхохотался. Выглядывая из-за угла, за ними наблюдала Лидия. Подумал: бедная девочка! Это ж только представить, что сейчас у нее в башке-то делается! И потом, неужели она все-таки приняла эту игру всерьез? А что, черт их знает, этих безмужних баб!..

3

Алексей Петрович Кротов любил бильярд. Не в том смысле, что был азартным игроком, нет. Особого азарта он вообще как-то не испытывал, поскольку заранее профессионально-грамотно рассчитывал все свои действия. А бильярд для него был одним из верных способов решения тех или иных задач. Плюс определенная острота риска. Всегда ведь имеется возможность наткнуться на более сильного игрока.

Готовясь к встрече с Борисом Осинцевым, он постарался предварительно выяснить, какие увлечения и интересы превалируют в характере обувного короля. Чем он занимается вообще, помимо, как говорится, основной работы — то есть накопления денег? Что он любит еще, кроме женщин? И почему имеет место такой странный разброс вкуса — от великолепной Инны до заморенной воздержаниями Марины. Если суть отражена в принципе: хочу перепробовать все, — совсем необязательно по каждому случаю играть свадьбу. И проявлять при этом поистине королевскую щедрость по отношению ко всем бывшим своим женам.

Кротов был, конечно, знаком с Осинцевым, но шапочно, однажды и походя. Борис, он знал, несомненно умный и деятельный бизнесмен, съевший на своем деле собаку. Талант, которого не отнимешь. И видимо, он поставил дело так, что оно развивается само, сохраняя постоянную тенденцию к росту и занимая только часть внимания хозяина. Наведенные справки выдали достаточно емкую информацию о том, где, с кем и когда проводит основное свое время Борис Аркадьевич. Так вот, одним из пунктов его частых визитов была бильярдная Дома писателей. Хорошо, кстати, знакомая и Алексею Петровичу.

Прежде это место вообще считалось наиболее престижным среди ему подобных. Шары можно было покатать и в Доме архитекторов, и в Доме кино. Даже в Парке культуры и отдыха имени пролетарского писателя при большом желании всегда можно было оторваться в охотку. Но в ЦДЛ, в уютном подвальчике возле буфета, Алексей Петрович мог позволить себе покойфовать, запросто сражаясь против живого классика советской литературы, чье имя было у всех, что называется, на устах. Мог иной раз позволить себе даже и проиграть в шутку какому-нибудь набирающему известность молодому поэту или прозаику, явившемуся к зеленому сукну с заведомой целью ободрать чужака и тем самым оплатить свой уже заказанный стол наверху, в Дубовом зале ресторана. Все это бывало — раньше.

А теперь литераторы куда-то подевались, уступив собственные законные места пришлым нуворишам от бизнеса, которые весь свой личный интерес сводят к тому, чтобы от пуза «накутаться» по соседству с теперь уже вечно молодежавым великим Евтушенко либо с постоянно сутулящимся от тяжелого бремени славы Вознесенским...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.